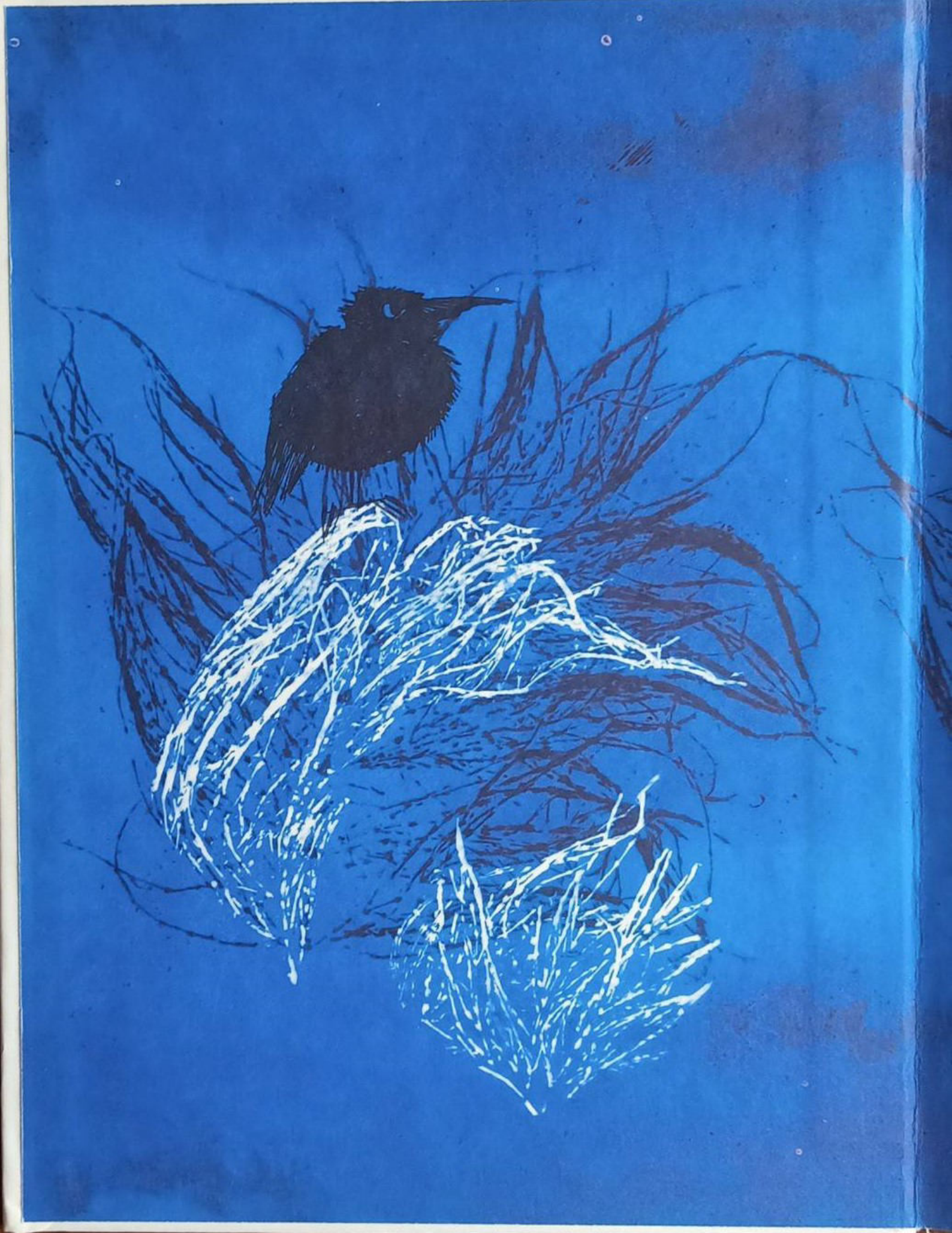
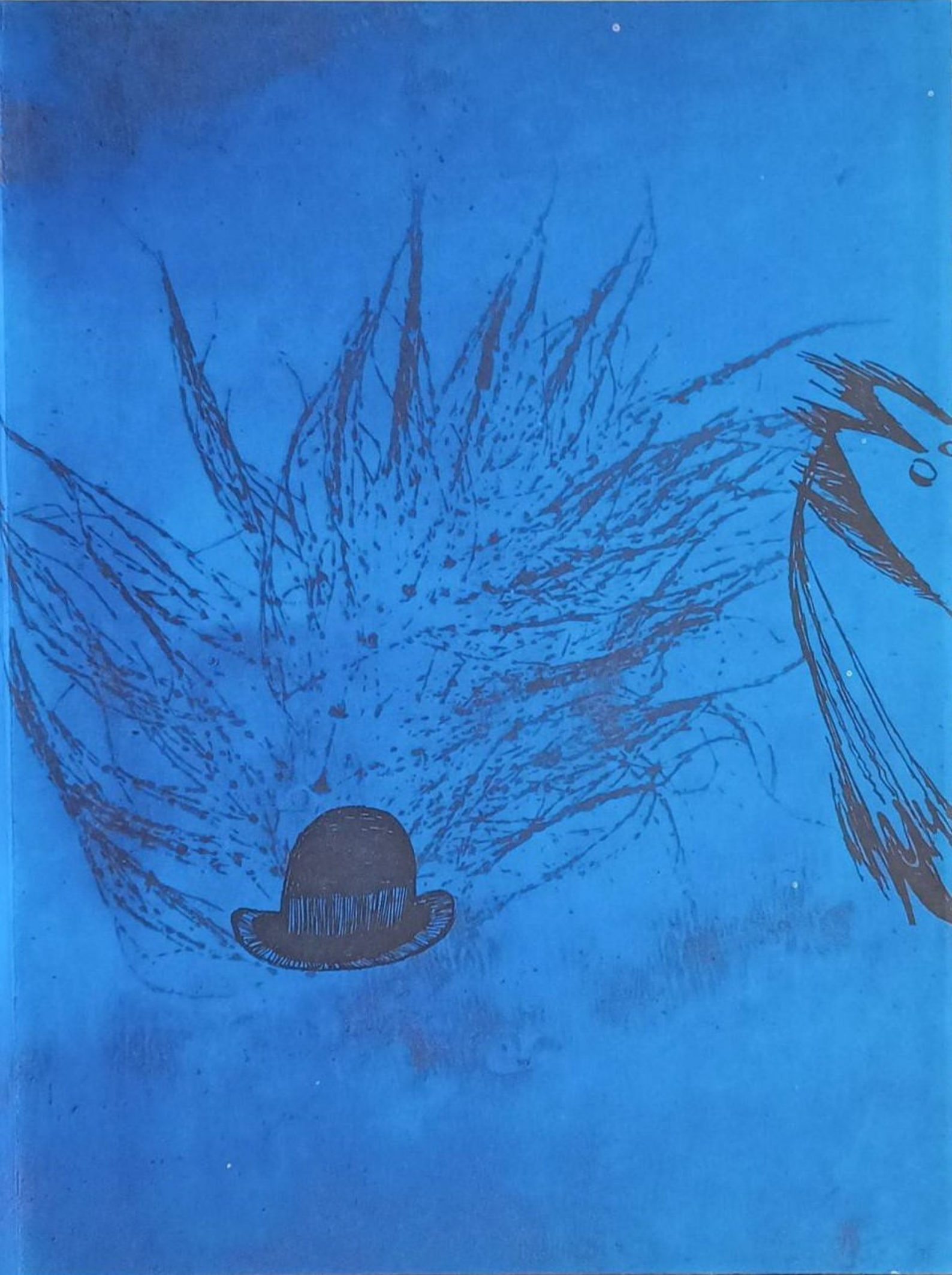
ВЛАДИСЛАВ ВАНЧУРА

КУБУЛА И КУБА КУБИКУЛА

ЛИДОВЕ НАКЛАДАТЕЛЬСТВИ





ВЛАДИСЛАВ ВАНЧУРА

КУБУЛА И КУБА КУБИКУЛА

ЛИДОВЕ
НАКЛАДАТЕЛЬСТВИ
ПРАГА

ВЛАДИСЛАВ ВАНЧУРА

КУБУЛА И КУБА КУБИКУЛА

С чешского языка перевел Д. Горбов.
Перепечатано по изданию изд-ва
«Детская литераура», Москва 1965 г.
Иллюстрации Зденек Сметана
Графическое оформление Милан Альбих

Редактор Наталия Власакова
Типография «Северография», н. п., Усти н/Л.
Изд-во «Лидове накладательстви», Прага 1984 г.

Цена 2 р. 50 коп.

КУБУЛА
И КУБА КУБИКУЛА

ВО ВРЕМЕНА ШАПОК с ушами были жестокие зимы, и наоборот: когда стояли такие лютые морозы, шапочники шили шапки с ушами. Было это ровно сто лет тому назад, мир ещё молодой был, и все сплошь верили сказкам. Нынче-то нас на мякине не проведёшь, а в те давние времена даже пан учитель боялся ведьм и, если б ночью на него кто затопал, он бы скорей стрекача домой, только пятки бы засверкали. Тогда с привидениями – не шути!

Бродил в то время по белу свету медвежатник один – Ку-

бой Кубикулой звать, – и имел он от медведя своего Кубулы большие неприятности. Был этот медведь великий лодырь и лакомка. Не причёсывался, не мылся, ходил как пугало. Медвежатник с ним и так и сяк: Кубула, мол, Кубулочка. Какое там! Медведь ни на месте постоять, ни себе морду утереть, ни гребешком дать себя вычесать и уши вычистить. За едой – из рук вон плохо, а насчёт купанья и не заикайся! И что блох у этого самого Кубулы было, милые мои! Можно сказать, тысяча и одна. Пятьсот днём спят, а пятьсот ночью. Ночные блохи, понятное дело, черноватые, а дневные – желтоватые. А у тысяча первой тельце было крапчатое, и следила она за остальными, чтоб шли спать и вовремя вставали бы . . . Кубула всё время, без перерыва, чесался.

– Что ты, Кубула, вечно чешешься? – сказал медвежатник. – Я тебя отучу! Ведь тебя дети боятся, и ни одна мамаша не позволит им с тобой играть.

– Ерунда, – ответил медведь Кубула. – Ерунда. Имей в виду, меня все любят.

Куба Кубикула покачал головой и говорит сам себе: «Я тебя, голубчик, перехитрю. Вот что я сделаю: припугну-ка я тебя медвежьим Барбухой».

Когда пришла медвежатнику на ум эта славная мысль, время близилось к шести и пора было подумать о ночлеге. Мороз такой – кости ломит! Но Кубуле это по вкусу.

– Куба Кубикула, – говорит, – пожалуйста, пойдём в лес. Глянь – до него рукой подать. Пойдём туда! Я бы, скажем, на дерево залез и всякие рожи стал бы тебе строить. Пасечника и пустынника изобразил. Идёт, а?

При этом блохастый шлёпнул своего друга по спине, стал прыгать и бренчать цепью – ну чистый первоклашка! Но Куба Кубикула ни в какую.

– Ишь чего выдумал, приятель! – сказал он медведю. –

Мы пойдём в кузницу. Уж там-то выспимся! Там всхрапнёшь, парень!

Медведь захныкал, что этого, мол, нельзя, что он себе там шубу спалит и всякое такое. Ничего не помогло: пошли в кузницу.

СТО ЛЕТ ТОМУ НАЗАД кузнецы были нелюдимые молчальники. Зря словечка не проронят.

Куба Кубикула с Кубулой остановились в дверях, и Куба начал первый:

– У тебя тут тепло, хозяин. Пусти переночевать. Медвежонок, шельма, в лес хочет, да у меня там уши замёрзнут.

Кузнец, понимаешь, молчок. Зыркает глазами по углам – и ни слова.

Ну, Кубула, тогда ты проси! А он такой: набрал воздуха побольше и заговорил, что твой писарь. Это хорошо, что умел за другого попросить. Самому-то в этом окаянном кузнечном чаду радости мало, да Кубе Кубикуле на морозе пришлось бы поплясать.

Договорил медведь, а кузнец опять ни слова. Что ты будешь делать? Схватили Куба Кубикула с Кубулой кто горшок, кто кусок железа и давай колотить, будто в тарелки и барабан, давай проказничать и такие замысловатые коленца выкидывать, что кузнец маленько улыбнулся. А кто улыбается, тот уж нам по шее не накостыляет и к чёрту нас не пошлёт. Да и ребята набежали. Кубула пьяную барью им представляет и всех их лижет: кого в ухо, кого в носик, кого в подбородочек.

– Ах вы, бродяги! – говорит хозяин.

Потом спрашивает медведя, нет ли у того блох.

– Блох? Да откуда у медведя блохи, папаша?

Подумать только! Врёт Кубула, глазом не моргнёт, даже нос покраснел, совсем зарапортовался. Ему замолчать бы! А он ещё кузнецовой жене брюшко своё показывает.

– Братец ты мой, – хозяйка говорит, – да у тебя их видимо-невидимо. Под каждым волоском по одной сидит.

Папаша сейчас же насчёт того, чтобы Кубулу, дескать в хлевок отправить, но медведик стал просить, и умолять, и жалобиться:

– Золотые вы мои, да ничего этого нету, просто я весь веснушчатый такой.

Что же выходит, Кубула? В лесу спать – да, а в хлевике – нет? Может, ты о лесе просто так сболтнул, может, хоть на минутку один бы остался, так сейчас бы заверещал и Кубу Кубикулу кликать давай.

Младшую кузнецову дочку Лизой звали.

И говорит эта самая Лиза:

– У меня острые глаза, и то, что вы видели, не блохи были, а песочек, либо снежочек, либо мухи.

Эти двое сразу друг друга поняли.

Повалила Лиза медведя на спину, тот ноги кверху и ну барахтаться. То один наверху, то другой, возятся, хохочут – даже икота напала.

– Будет, будет вам! – сказала мамаша. – Уймитесь! Ведь ночью спать не будете.

Кубула сел на задочек – дай дух перевести!

– Вот как мы сделаем, – сказал Кубе Кубикуле кузнец. – Ты ляжешь в комнате, а этот блохастый пускай в кузнице останется.

Но медвежатник говорит: нет, так не пойдёт.

– Он тут, папаша, ещё глупость какую-нибудь вытворит. Нет, нет, нет! Я с ним останусь.

ИЗ КОМНАТЫ ЗАПАХЛО ПОХЛЁБКОЙ, дети навострили носишки, медведь – свой нос, и все гурьбой в двери да за стол. Но прежде подошла Лизанька к Кубуле, обняла его за шею.

– Медведь, – на ушко ему шепнула, – останься со мной, я тебя люблю.

Наелись детишки досыта – и в постель. А медвежатник наелся вполсыта и сел к очагу. А медведь только червячка заморил и стоит. Язык высунул и на Кубов мешок так жадно смотрит, что медвежатник рассердился:

– Ах ты, ненасытный! Мне это больно накладно: что где хорошего, сейчас слопаешь! Ничего тебе не дам! Ничего!

Ну, понятное дело, дал. Оставались у него от лучших времён две свиные колбасы да одна кровяная. Хам, хам, хам – и всё у Кубулы в животе. Съел медведь, и стало у него на душе так весело, хоть совесть маленько зазрила.

– Куба Кубикула, – говорит, – а осталось у тебя в сумочке ещё что-нибудь?

– Осталось ли, нет ли, молчи и спи, – ответил Куба.

Но Кубула томился – сна ни в одном глазу. Тут медвежатник почесал себе подбородок и сказал:

– Пора начинать с медвежьим Барбухой.

Сел поудобней у огня, прислонился спиной к наковальне, положил Кубулову голову к себе на колени и, почёсывая озорника за ушами, начал:

– Дорогой мой Кубула! Родился раз в лесу медведик, по имени Миша. Страшный был грязнуля и непоседа. Спать ложился поздно, и сколько, сударь мой, уговаривать его приходилось, чтоб он чего-нибудь поел! Пуще всего любил он у пчёлок мёд отнимать и так и ходил – весь в меду. Все волосики в комки и в кисточки склеены: вид прямо страшный. Папа хотел его причесать, а парнишка залез на сосну и вниз – нипочём. Что делать? Напустили на него медвежьего Барбуху. А знаешь, кто такой Барбуха? Это медвежье страшилище. У Барбухи, голубчик ты мой золотой, голова как у шершня, вмето когтей у него жала, а шуба из дыма. Куда Барбуха ни придёт, там всюду страшная вонь, будто трава горит. Само собой, медведей от такого чада оторопь берёт, и они так кашлять начинают, не приведи господи!

О Барбухе лучше помалкивать – да коли с парнем сладу нет, что папе и маме делать? Взялись они за лапки и закричали в лес:

«Барбуха! Барбуха! Прижги нашему озорнику окорока . . . Хватай его! Мы без тебя никак с ним не справимся»

И ещё кричат:

«Гром и молния! Гром и молния!»

И только крикнули в третий раз, стоит Барбуха прямо перед ними. По всему лесу, милый Кубула, пошёл этот самый смрад. Миша задрожал, да и старому не по себе.

«Где этот паршивец?» – страшилище спрашивает.

И Миша тут же съехал с дерева вниз, даже брюшко себе поободрал.

Зарекается безобразничать, но ничего не поделаешь: надо к ручью идти, умываться. Ладно, пошли они к ручью. Только Миша на что уж проказник был, а зажал себе нос, чтоб вонючку этого поменьше чуять, а сам думает, как бы его околпачить. Смешно его слушаться, да и в воду лезть больно неохота. А как же постираться-то?

«Постираться? – подумал Миша. – Вот-вот! Постираю, как прачки деревенские!»

С этой мыслью залез он в кусты, снял шкуру. И бросил шубку свою в воду.

Шкура плавает, переворачивается а Миша в кустах хохочет.

Да плохое вышло веселье! Разве страшилище и родителей проведёшь?

Барбуха слышит смех, мама слышит смех, и папа тоже что-то слышит.

Подходят они к ручью и, понятное дело, сразу видят – это не Миша купается, а только шуба его. И тут-то, сударь мой, началось. Барбуха как разьярится, как все жала выпустит да как начнёт на парнишку, на голенького-то, наступать. Совсем уж начал жалить, да тут я – Куба Кубикула – подоспел. Стало мне его жалко, я и закричал:

«Гром и молния! Барбуха, коптилка старая, скорей, скорей напустись на двух медвежат-дьяволят! Они там птичьи яички на дуплистом вязе обирают!»

Барбуху так всего и передёрнуло, он не знал, куда кинуться. Когда яйца у птичек обирают, он шибко не любил. Постоял минутку, потом хвать Мишину шубку – и поминай как звали. Страх какой! До сих пор слышу как зашипело, когда страшилище в воду бухнулось. А дальше ничего не помню. Мне от этого Барбухи тошно сделалось, а медведи горько плакали. Сдаётся только, хотел Миша свою шкуру искать. Поклялся во что бы то ни стало найти.

Вот и всё, Кубула. И не то чтоб я собирался Барбуху звать, а только – попадись ты к нему в лапы, он бы тебе показал!

Кубула затрясся весь и говорит:

– Ой-ой-ой, Куба Кубикула, меня прямо жуть берёт. Ты тут всякие страсти выдумываешь, а ежели другой-то человек – маленький медведь, так ведь ему боязно. В лесу я бы не испугался, а здесь и впрямь Барбухой разит . . . А что, нашёл Миша свою шёрстку-то? Ну, скажи, что нашёл!

На это Куба Кубикула ничего не ответил: сделал вид, будто спит.

БЫЛО ДЕВЯТЬ ЧАСОВ – ТЬМА, НОЧЬ. Медведям – ну, прямо благодать. Это хорошо, да вот в кузнице очаг не совсем погас и от тлеющих углей дым подымался. Это Кубуле по вкусу. Встанет он, подойдёт на цыпочках к дверям и задремлет на минутку. Только на малую минуточку, а потом опять встаёт, и опять слышно – постукивают коготки. Стал у огня, смотрит на красный уголёк, пока слёзки из глаз не побегут. Потом уснёт, потом опять проснётся, – нынче ему что-то не по себе. Наконец положил голову на передние лапки и задремал. А пока он клевал носом, вдруг тихонечко, ну совсем незаметно, дверь отворяется, и входит Барбуха. Тут как тут! У Кубулы душа в пятки, язык еле ворочается.

– Гром и молния! – говорит он. – Ступай, страшилище, на тех гадких, противных медведей, что птичек кусают! Уходи, уходи сейчас же!

Но Барбуха покачал головой и говорит:

– Что ты, миленький? Куда ж это я в ночную пору потащусь? Медвежата уже спят, и тебе надо спать, мохнатик. Дай-ка мне место у огня!

– Вот это славно, – говорит медведь. – Ты что, хочешь с нами ночевать?

– Я хочу с вами ночевать, хочу с вами кашу есть, хочу с вами молочко пить, хочу с вами по свету бродить. Пока вы живы, от вас не отстану. Так-то вот, сударь мой. А по-твоему, взял выдумал кого-нибудь, а там и рукой на него махнул?

Барбуха выразил всё это гораздо грубее, да пускай его говорит как хочет: ведь страшилище он. Договорил и повалился Кубикуле на грудь, подтащил Кубулу себе на ноги, чтоб теплей было, и захрапел . . . И после этого спали все, как сурки.

Вот каково сказки-то выдумывать! Да выдумывать ещё полбеды. А верить им!

Не будь Кубула такой дурачок, Барбуха, конечно, не мог бы брать Кубовы выдумки всерьёз и вообще не появился бы на свет. Как теперь с ним быть? Кубула и Куба Кубикула только руками разводят. Может, кто выручит их? Ну конечно: Лиза что-нибудь придумает.

У КУЗНЕЦА БЫЛО ЧЕТВЕРО ДЕТЕЙ. Лиза – самая младшая; сестричку её свали Аполенкой, а братцев – Антони́ном и Фра́нтишеком.

Почему же, скажите на милость, как раз самой младшей девчоночке пришлось что-то придумывать? Отчего Аполена и те двое пареньков спят как ни в чём не бывало? Да оттого, что в сказках всё должен охлопотать самый младший ребёнок! Иначе никак нельзя.

И вот Лиза спит, и снится ей сон о Кубуле. Будто с ним стряслось что-то. Утром проснулась – и смотрите пожалуйста! Кубула за дверью с матерью спорит.

– Милая кузнечиха, – говорит медведь, – у вас страхи, страхи, страхи!

А та ему:

– Да что ты, дурачок, чего у нас тут страшного?

Минутку мамочка говорит, другую минутку медведь – никак не согласятся. Лиза оделась и скорей к ним:

– О чём вы тут?

– Да вот о чём, – отвечает мама. – Кубула говорит, будто у нас в кузнице какое-то страшилище завелось. Я ничего не вижу, папа ничего не видит, дети ничего не видели, а он всё на угол показывает и весь трясётся. Пойди посмотри, Лиза, есть там что или нету.

Лиза глаза таращит, да что тут увидишь, коли нет ничего.

– Горе мне с вами, милые, – продолжает Кубула. – Да этот Барбуха вон язык мне высовывает и так и мельтешит, будто ящерица.

Обнял медведь Лизаньку правой лапкой за шею, а левой показал, где у привидения голова, где жала, где хвостик.

– Так покажись, коптилка барбушская, – промолвила Лиза. – Я теперь всё про тебя знаю. Выходи на свет, не бойся.

Не успела сказать, а уж задрожала на плечике у неё Кубулова лапа. Взял девочку страх и – гоп! – прямо на середину кузницы прыг Барбуха! На пустом месте вдруг – пожалуйте! – встал медвединый призрак, будто в тёмных сенцах посветили.

Что делают дети, когда их что испугает?

Начинают кричать. И Лизанька тоже в слёзы.

– Это уж никуда не годится! – сказал кузнец. – Вы, бездельники, вон из моего дома! Пошёл, медведь, пошёл, медвежатник! Вон, вон, вон! Я вам покажу – пугать мою девочку! Чтоб духу вашего здесь не было!

Легко сказать, а если на дворе мороз? Куба Кубикула лучше остался бы. Сказать по правде, не хочется ему по снегам таскаться, да ещё со страшилищем. Есть у Кубы смекалка в голове. Притворился он, будто Барбухи не видит, а видел хорошо. Зачем он так сделал? Надел шапку на голову и говорит хозяину.

– Будьте покойны, папаша, мы уйдём; мы – вольные люди, нам в одной деревне не усидеть. Но ежели вам дровец наколоть, либо кузнечный горн мехом раздуть, мы от всей души помочь готовы.

Тут Лиза заплакала горючими слезами, закричала, что не отпустит медведя. Она боялась, как бы страшилище его не обидело . . .

Но ничего не вышло. Кузнец сказал, что не может он медведя кормить, на семью-то еле-еле хватает! Дров он наколет сам, а в кузнеце всё равно никакой работы нету.

КУБУЛА С КУБОЙ КУБИКУЛОЙ поклонились и дальше пошли. В дороге всякое с ними бывало. Да бродячий народ к этому привычный. Куба Кубикула нет-нет да уши себе тереть начинал, чтоб не отморозить, а Кубула в шубке своей и думать забыл, что зима-то. А насчёт того, легко ли было идти, – так дорога хорошая была. Шла она лесом густым, вдоль логов да оврагов. Шла по сугробам, через замёрзший ручей и бурелом, подымаясь высокó и опускаясь глубокó. Подымалась и опускалась дорога, и всюду, где опускалась она, медведь на задочке съезжал, гикая на весь лес. Шерсть вся в снегу. Ах, это его любимый цвет! Благодать, да

и только – ну лучше некуда! Пустая голова – я об заклад побиться готов – начисто забыл про Барбуху! И ни разу небось изменщику о Лизаньке не взгрустнулось.

А откуда вы знаете, что он и её забыл? Что проказничает-то? Да все ребятишки всегда так. У Кубулы на сердце печаль, да не знает он, что это за печаль такая. Не знает, что такое тоска, и не умеет назвать по именам всякие эти мороки, что на больших находят.

Как только они остановились отдохнуть, подошёл медведик к Кубе Кубикуле и говорит:

– Куба Кубикула, со мной что-то страшное делается. Объясни мне, что такое? В брюшке моём голос слышится: ничего не говорит, а только кличет. Что это?

– Это то, – Кубула в ответ, – что ты какую-нибудь птичку съел и за это поплатишься. Съел ведь, сознайся?

Медведь головой затряс и подумал, что ничего-то Куба не понимает. Он так бы ему и сказал, но тут как раз подошли они к отличной ледяной дорожке, и Кубуле как было не разбежаться, чтоб по ней хорошенько проехаться!

Пошли дальше. Кубула шёл повесив голову. Возле тропинки – весёлые заячьи следы. Медведь – ни гугу.

Идут дальше – встретили белку. Медведь опять ни гугу.

– Честное слово, – сказал Куба, – кузнецовы дети тебя подменили. Ты ведь с белками всегда дружбу водил.

Тут Кубула провёл лапкой по лбу и задумался.

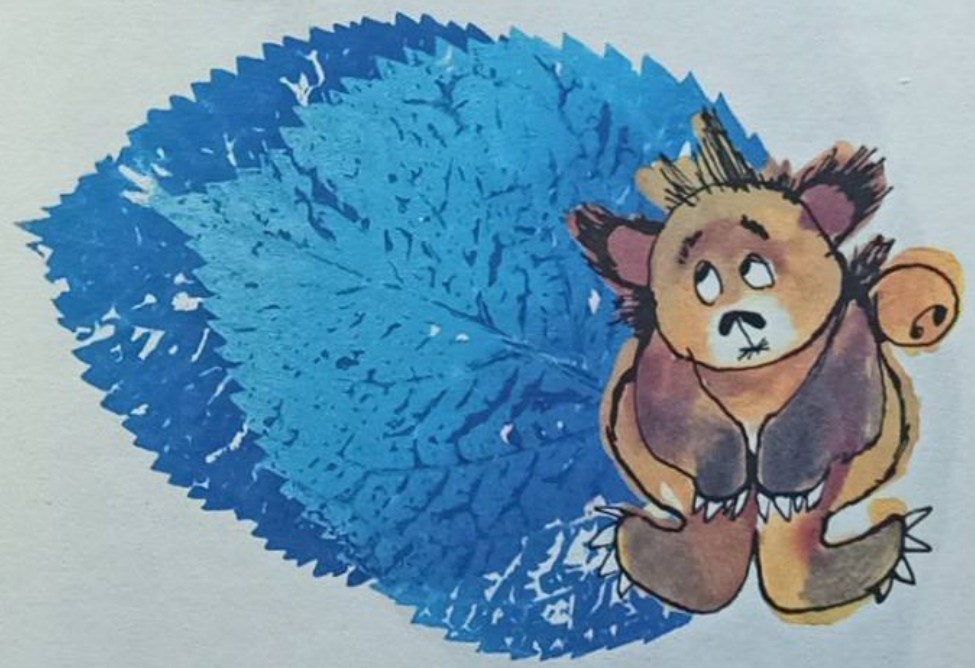
– Это верно, – сказал он, помолчав. – Лизанька была с нами очень ласкова. Куба Кубикула, мне хочется опять к Лизаньке . . .

И стал тут медведь хныкать, повторяя эту просьбу так часто, что медвежатник рассердился:

– Экий ты бестолковый! Кузнец – человек бедный. Не стыдно тебе было бы каждый день ужин его съедать? Так,

братец мой, не годится. Мы должны сами себе на пропитание зарабатывать.

Но попробуйте уговорить мальчишку малого, когда он что нибудь себе в голову забрал: терпенье лопнет!



КУБУЛА ТЯНУЛ СВОЁ, ни на минуту не переставая. Тогда Куба Кубикула стал Барбуху звать. Он думал просто в шутку, ан – не успел это имя вымолвить, Барбуха тут как тут: выскочил из чащи и прямо к ним.

– Это хорошо, – говорит, – что ты меня окликнул. А то я в этом окаянном лесу совсем заплутался. Вы мне больно плохие ноги сделали, по такой дороге с ними просто беда.

– Ого! Хороший разговор, нечего сказать, – говорит Куба Кубикула. – Так это, выходит, мы тебе ноги сделали? Никаких ног мы не делали! Каждый приходит на свет со своими ногами. При чём тут мы?

Но Барбуха не уступает.

– А как же! Кто меня на свет произвёл, кто мне вот эту осиную голову пристроил, и этот хвост безобразный, и эти дурацкие когти? Вы, вы, вы! Пропасти на вас нету, растяпы! Зачем берётесь, коль не умеете? Что это за топтыги? А вот это шубой называется? Господи боже, мне страшно – того и гляди, разорвётся!

Медведь с медвежатником переглянулись, ничего понять не могут. Подумали, страшилище спятило.

– Что ты мелешь?! – сказал Кубула. – Мы и не думали тебя делать. Я, по крайней мере, нисколечко по тебе не скучал.

Но медведь с медвежатником ошибались, а прав был Барбуха.

Как завёл тогда Куба речь о медведином привидении, протянулась от его мысли тоненькая ниточка, медведь послушал и забоялся. Пока он так боялся, от его шубки пар шёл. Этот пар был страх. И что же, милые вы мои, случилось? Нитка Кубова рассказа сама собой оплела комок страха, и то на нём затянется, то опять ослабнем, – сгустила таким путём тот туман, из которого в конце концов Барбуха родился. И вот он сам перед вами. Глаза пучит, хоботок высовывает, жала выпускает.

– А ведь верно! – сказал Кубикула. – Это мы урода такого выдумали.

Постояли минутку, почесали себе затылок, ну потом махнули рукой и пошли своей дорогой. И правильно сделали, потому что стоять на морозе не двигаясь – вредно для здоровья и уши отморозишь.

КУБА КУБИКУЛА ТОРОПИЛСЯ, чтобы к полудню в деревню Горшки-Поварёшки поспеть. Это было красивое селение на берегах красивой речки. У некоторых географов сказано, будто в этом месте просто ручей течёт, но пускай их мелют что хотят: через Горшки-Поварёшки протекает прекрасная, могучая река Уточка, разделяя этот город на две части, как булочку разделяет посредине бороздка. В этом городе старостой был хват один, по фамилии Ра́нда. Был он круглый дурак, но, милый ты мой, какой подбородок жирный, какое брюшко! Выступает этак важно, будто пёс с ношей в зубах; на голове шапка барашковая, что голенище, а в руке дубинка. Каждый день с десяти часов пан староста прогуливался по мосту; и только дойдёт до середины мостков этих окаянных, сейчас же в Поварёшках народ плач подымает, а в Горшках – ликование, шапки в воздух летят. Ранда расхаживал туда и сюда до двенадцати, и, смотря по тому, куда ему вздумается пойти и куда повернуть, на одном берегу ревут от радости, а на другом причитают.

Хе-хе-хе, а кто же причитал-то?

Да это поварёшковские и горшковские ребята спесивого старосту так разыгрывали, шутки над ним шутили. Любимая их забава. Вы только поглядите, как он подымает ноги, как шагает, задравши нос, подбородок воротником подперев, а руки сложив сзади!

Нынче, по случаю хорошей погоды, староста расхаживал немножко дольше, чем надобно. И надо же, чтоб чёрт так подстроил: вдруг ребята как сквозь землю провалились! Староста хоть топай, хоть с берега на берег через Уточку прыгай, хоть крякай и вякай, хоть кликай и гикай – никто на него внимания не обращает. Поварёшки – ни звука, и Горшки – ни звука. Там все как есть за Кубой Кубикулой, за Кубулой и за Барбухой убежали. Франтишек Ранда,

по милости весёлых друзей своих староста деревни или города Горшки-Поварёшки, стоит на мосту один-одинёшенек, и от досады у него нос дёргается, а сказать по правде, так и всё лицо.

– Подумать только! – сказал он, надувшись как индюк. – Медвежатник купил себе какую-то обязьяну гнусавую – все так и повалили за ним! Ох и задам же я этим башмачникам да портняжкам перцу! Всыпать бы каждому по двадцать пять! Да что там по двадцать пять! По пятьдесят ровным счётом! Покажу я им – так непочтительно со старостой обращаться! Коли о самом себе не подумаешь, из тебя сразу какого-то нищего бродягу сделают вместо вельможи-то!

КАК ТОЛЬКО ПАН РАНДА всё это в голове у себя в порядок привёл, так сейчас на Кубикулу напустился:

– Куба Кубикула, а где у тебя разрешение по нашему мосту с обезьяной ходить? Медведя я бы тебе ещё простил, но обезьяну – не позволяю! Спрячь эту скверную рожу за пазуху и убирайся! Пошёл, пошёл, пошёл!..

С этими словами принялся он гнать медвежатника с мед-

ведем в толчки да, войдя в раж, и Барбухе влепил хорошенько.

– Милый дяденька, – сказал Куба Кубикула, – как перед богом, мне ничего не надо, кроме хорошего обеда, и Кубула тоже с утра ни о чём другом не думает. Какого рожна вы тут удивительного нашли? Чем вам не по душе, что мы есть хотим? Оставьте нас в покое и не дразните нашего страшилища, потому оно вас так отделает, своих не узнаете. Больно мне чудно, что вы его видите, но чудно не чудно, а за хвост не дёргайте.

Не успел медвежатник это сказать, начал Барбуха фыркать, словно кот, которого гончие на дерево загнали. Тут пан староста наклонился и – цап! – уж держит Барбуху за шею. Да не за шею, нет, а за шиворот, как щенка. Барбуха как завизжит и – гоп, гоп, гоп! – вырвался да скок старосте на шубу, а там на плечо и в волосы вцепился. У важного господина вместо шерсти рука полна дыма, кругом дух пошёл тяжёлый, нос щиплет – просто беда. Да это ещё куда ни шло, – жала, сударик мой, похуже будут.

Право слово, не меньше пяти штук их в пана Ранду рядком засело.

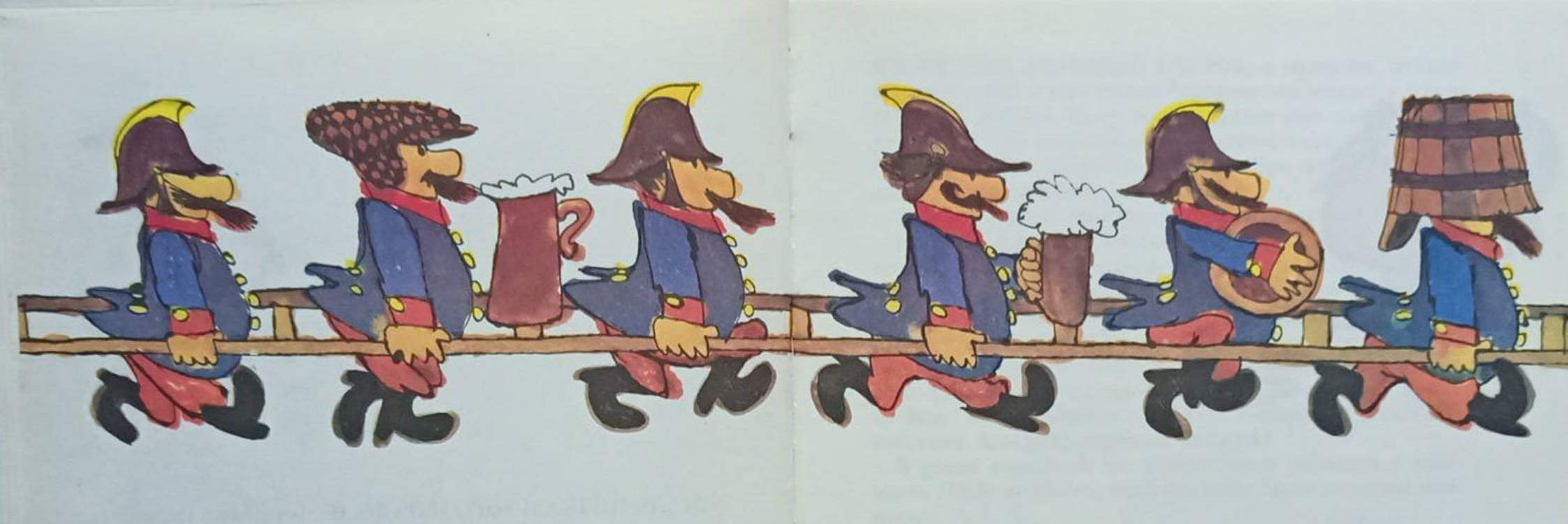
Представляете вы себе, милые, какой это был танец! Бедный пан староста бекал и мекал, молил и вопил, кричал и рычал – и всё это так истово, так громко, что оглохнуть можно.

– Караул! – выл горемычный. – Караул, караул, горю! . .

А МАЛЬЧИШКАМ ТОГО И НАДО. Не то чтоб они злодеи были и чужой беде радовались, нет, но больно смешливые и сразу ржать, только палец покажи. Один из них, между прочим страшный увалень, в бумажный кулёк затрубил. И ловко же у него получилось! Ах негодный, какой переполох поднял . . .

У пожарных, известное дело, страсть чуткий слух. Как услыхали трубу, сейчас же из-за стола и – ура! – скорей вон. Первый пожарник ложку в угол запустил, другой как ошалелый выскочил – похлёбку по столу разлил, третий на бегу куснул пирога и горло себе до смерти обжёг, четвёртый наизнанку каску надел и чуть навеки не осрамился, в таком виде на улицу выскочив. Да, спасибо, жена за рукав схватила.

– Не дури, отец, – говорит, – нельзя же каску наизнанку выворачивать: ведь она железная.



Слава богу, кое-как столковались, наконец в порядок себя привели – и стремглав к знаменитому мосту! Взяли с собой горшки, вёдра, ушаты, шайки, лохани, бочки, стаканы, кружки – всё, во что можно воды набрать. И запыхались же парни, пока до места добежали! А крику что было! Один одно, другой другое. Ухан говорит, а брюхан ему в ухо галдит, а те двое кадушку поделить не могут, того и гляди, пополам разломят.

Славная заварилась каша! Пятерых бобылей с ног сбили, у двух мужиков кожаные штаны разорвались, одна девчоночка бусы потеряла, а пану первому советнику какой-то грубиян на руку наступил.

Неразбериха эта тянулась довольно долго. Кубуле надоело, и моргнул он товарищу. Принялись они, с помощью озорников школьников, мостки раскачивать, а когда дело не пошло, схватили пилу, спрыгнули на лёд прекрасной реки Уточки и тихонечко подпилили столб пресловутого моста. Два прелестных близнеца, продувные ребята, оказали им самую усердную помощь.

Наши дорогие наставники и милые мамочки всё время твердят нам о том, что не надо портить чужое добро: «Не берите, деточки, пилу в руки, а то ещё вздумаете прыгать с острой штукой в руках! Не пугайте никого, не выдергивайте стула, когда на него хочет девочка сесть!»

Друзья наши всё это прекрасно знали, а всё-таки подпилили мостовое бревно. Выходит – головорезы, чёрт бы их побрал!

А может, и нет. Ведь на мосту тогда дым коромыслом стоял. Односельчане давно на пана старосту зуб точили, ну и замотали такой клубок, чтоб ему не легко было выбраться. Что смеху было! Медведь, медвежатник и двояшки, помогали которые, тоже покатывались.

Ну, а тем, кто смеётся, кое-что прощается. Только чтоб вреда не было!

В самый разгар кутерьмы мост затрещал и в два счёта со страшным грохом рухнул на лёд.

ВНИЗУ БЫЛ ЗДОРОВЫЙ СУГРОБ, и мужчины, женщины, дети – все, о ком только беспокоиться можно, – упали будто на перины. Кому полны рукава снег набился, кто уткнулся в него носиком либо плечиком, а кое-кто так в него ушёл, только чихает да бранится. Про огонь и тушенье все, понятно, забыли.

– Это они ловко подстроили! – толковали потом соседи.

Но тогда они сгоряча никак перестать не могли, каждый норовил ещё какую-нибудь каверзу выдумать. Наконец Горшки и Поварёшки отошли каждые на свой берег, и начался великолепный бой снежками по всем правилам. Это было чудное зрелище! Многие толстячки со стороны Поварёшек действовали отчаянно. Пули сыпались градом, и не один удалец получил такой славный удар по уху – лучше не надо! Куба Кубикула с Кубулой смеялись, а остальные гоготали. Весёлый получился кавардак!

В конце концов за всё расплатились медведик с хозяином. Люди не любят, чтоб над ними такая зверушка смялась.

На одного императора взглянула раз кошка. И так как был он страшно некрасивый, лысый, а кошка прехорошенькая, она ухмыльнулась и покачала головкой. Древние историки говорят, что кошку звали Мур-мур. Будто у неё глаза искрились и хвост был длинный-предлинный. Но всё это ей не помогло. Императорский маршал, вмешавшийся в это дело, поднял тревогу и стал охаживать её своим маршальским жезлом, пока обули полк пехоты и оседлали коней, одели в мундиры и усадили в сёдла полк кавалерии. Но к этому моменту у маршала ослабела рука, и кошка стала ему отплачивать за обиду. Когда прискакала гвардия, бедняга успел получить двадцать девять царапин, но от последней – тридцатой – его спасли. Императорская летопись сообщает, чем кончилась история с несчастной

Мур-мур. Ах, её связали и потащили в тюрьму . . . Там ей сковали лапки, и верное посрамленье, надели на неё ошейник. Она вела себя геройски и в один прекрасный день убежала. Трудно, милый, удержать кошку, её даже императору не устеречь!

Так вот, ежели Мур-мур не имела права смотреть на какого-нибудь императора, так что теперь ждёт бедняжку медведика? Всыплют ему горячих, – будет знать, как смеяться над паном старостой!

В САМОМ ДЕЛЕ, как только сумятица малость поутихла, Ранда послал за полицейским, – и, пока суд да дело, пойдут эти два ёрника и прохвоста в арестантскую. Вот забрали и уже ведут их – и бедненького Барбуху, понятно, тащат. Посадили всех троих в каталажку.

В Горшках-Поварёшках арестантская помещалась возле пекарни мастера Богдана. Слава богу, пекарева печь всегда горячая была, а дымоход шёл как раз вдоль стены арестантской, так что было тут очень тепло. Куба уселся возле этой тёплой стены и сапоги снял. Кубуле хуже пришлось: запах пекарни не давал ему ни сидеть, ни спать спокойно. Он всё время ёрзал и поминутно говорил Кубе:

– Я ужасно люблю булочки с маком! Как мне хочется булочку!

– Дурачок! – отвечал Куба Кубикула. – Самое теперь подходящее время, чтоб так же выдумать пирог, как страшилище выдумали, правда?

Барбуха таких разговоров не любил, он стал горько корить товарищей и в конце концов рассердился не на шутку:

– Черти полосатые! Вы что, совсем бояться меня перестали? Ну погодите, дай наступит вечер!..

И только смерклось, начал пугать.

Завёл своё – бар, бар, бар! Зашнырял по углам, поджимая задние ноги. Но Кубула к призраку уж привык и со страхом у него было покончено. Взяв Барбуху за лапку, он велел ему перестать. После этого они вдвоём стали рассказывать друг другу разные лесные сказки. Куба храпел, и им двоим тоже было хорошо. Когда на башне пробило десять, они завернулись в свои шубки и принялись весело, взапуски спать.

НО ЧАСУ НЕ ПРОШЛО, случилось что-то странное. Барбуха почувствовал у себя на спинке чью-то руку. Он подумал, что это, наверно, Кубулова лапка, и сказал, чтоб тот оставил его в покое.

– Я ничего тебе не делаю, – ответил медведь.

Только уснули, опять Барбуху кто-то дёргает.

– Гром и молния! – воскликнуло страшилище. – Это, видно, какая-то заколдованная рука дёргает меня за дымные шерстинки. Я не выдержу, убегу!

Призрак так скулил, что проснулся Куба Кубикула. И, надо сказать, в самое время. Барбуха сидел на окне и собирался пролезть сквозь квадраты решётки. А там – вниз спрыгнуть.

– Барбушка, Барбушка, миленький! – воскликнули Куба и Кубула в один голос. – Ты что, старина? Дергача хочешь дать? Бесстыдник! Решил нас в беде оставить, а самому – лататы? Нет, шалишь...

Схватили они его за ноженьки и стащили вниз.

Тут Барбуха в слёзы, плачет и причитает:

– Отпустите меня, миленькие мои, отпустите! Слышу у себя в ушке, что меня кузнецова Лизанька зовёт. У вас времени свободного хоть отбавляй, а ведь страшилища и днём и ночью работают. Пустите меня, гром и молния! Мне так суждено – идти куда зовут. Конечно! Слушаться надо, говорю, и не рассуждать.

– Как же ты пойдёшь, в такую даль? – спросил Кубула.

А страшилище в ответ:

– Толстощёкий мой медведик! Когда нас зовут, мы как на крыльях летим. Ты оглянуться не успеешь, мы уж за десять тысяч вёрст. Хо-хо-хо, мы, страшилища, миленький, молодцы! Нам не нужно на четвереньках корячиться, как ты, или плестись на своих на двоих.

Так Барбуха корчил из себя невесть что, твердя, что должен, должен идти. Ну ладно. Кубула попросил передать Лизаньке сердечный привет и наказал страшилищу вести себя в кузнице скромно, не гикать.

КАК В СКАЗКАХ ПОВЕЛОСЬ, Барбуха в мгновение ока был уже перед кузницей.

Место, где доныне стоит Ма́ртинова кузница, называется Грибы-Грибочки. Название это выдумал лет за тысячу до того какой-то шутник; в то время о котором речь идёт, оно было известно каждому молокососу. Страшилище хотело забарабанить в дверь и так завизжать, чтоб до костей пробрало. Слава богу, оно этого не сделало, а то вот бы кузнец разъярился.

«Что за чертовщина! – подумал Барбуха. – Гикать нельзя, стучать нельзя. Что же мне делать? Этак любой пан священник может страшилищем быть».

Ну, поныл ворчун на все лады. Но в конце концов вытянулся в тонкий козий волосок и прополз сквозь какую-то щель в комнату, где Лизанька спала.

Лизанька поздоровалась с ним и говорит:

– Знаешь, Барбуха, хотела я что-нибудь придумать, и вот – готово! Придумала позвать тебя и послать Кубуле письмо, чтоб он не боялся. Я хочу написать, как я его люблю.

– Милая девочка! – ответило страшилище. – Что́ ему, медведю! Ходит он по свету, со всеми-то ребятами знаком. Я нынче с ним целый день провёл, так он даже ни разу о тебе и не вспомнил.

Огорчилась Лиза. Встала она в постельке и сказала:

– Ты, верно, неправду говоришь. Я ему всё-таки напишу письмецо.

Взяла лист бумаги, разлиновала и принялась за дело:

Милый Кубула!

Когда ты к нам вернёшься? Барбуха меня пугает, да мне не страшно. Нынче к обеду у нас были сладкие пирожки с начинкой. Я спрятала три для тебя. Только от третьего половинку отломила. Они очень вкусные, и я не выдержала. Пришли и ты мне письмецо. Если Барбуха очень тебя донимает, так скажи ему, что наш папа ему задаст. Нынче мы катались на коньках, было очень весело, только я ободрала коленку. Будь здоров и приходи поскорей!

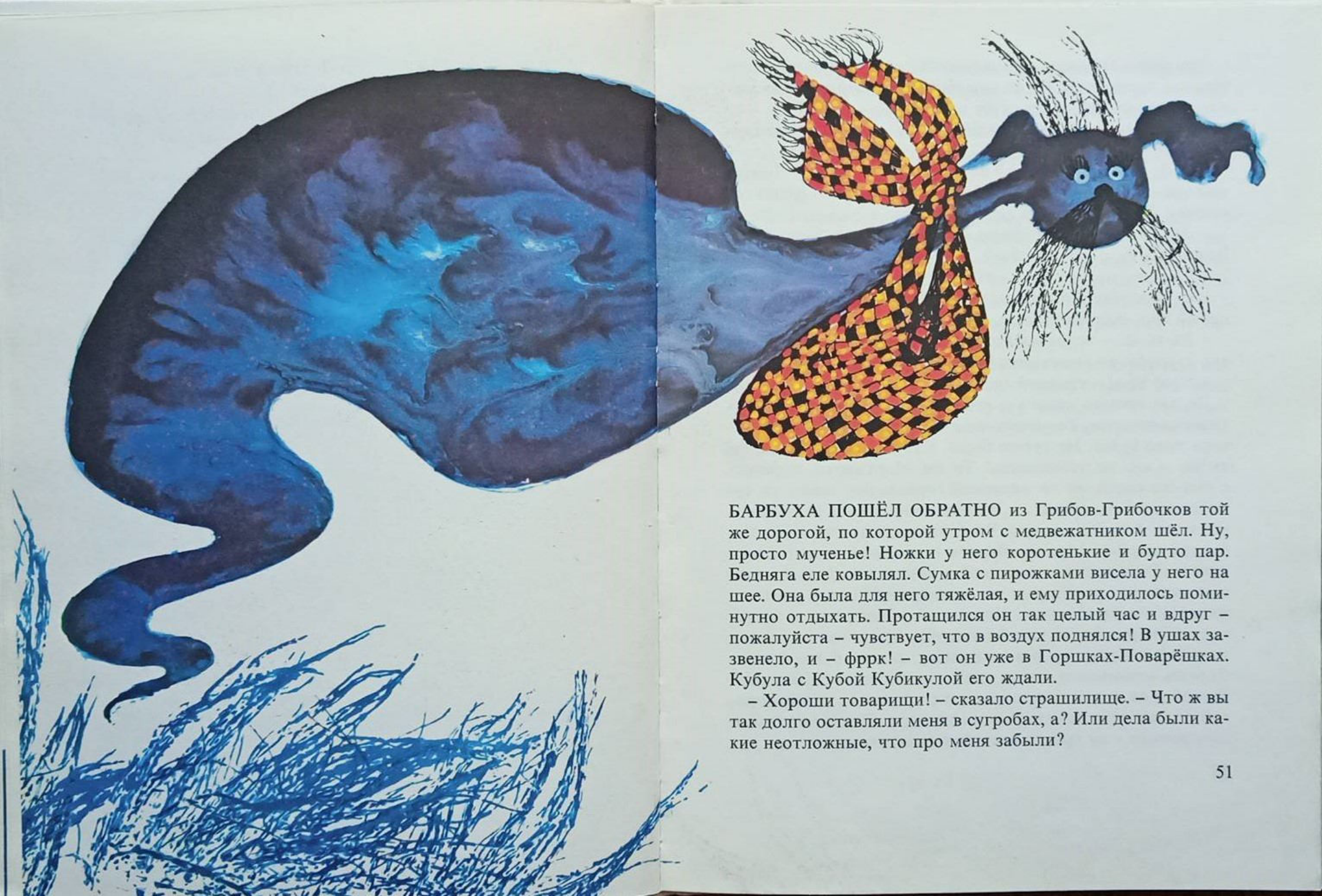
Твоя Лизанька

Кончив писать, взяла она пирожки, письмецо и завязала всё в узелок.

– Не потеряй смотри, – сказала она на прощание. – Ну, ступай к Кубуле. Что с тобой толковать, коли ты медведей обижаешь.

Страшилище решило, что Лизанька невоспитанная, что так ни с кем разговаривать нельзя.

Но так ли, нет ли, а со страшилищами надо быть построже, а то ещё неизвестно, что они могут выкинуть.



БАРБУХА ПОШЁЛ ОБРАТНО из Грибов-Грибочков той же дорогой, по которой утром с медвежатником шёл. Ну, просто мученье! Ножки у него коротенькие и будто пар. Бедняга еле ковылял. Сумка с пирожками висела у него на шее. Она была для него тяжёлая, и ему приходилось поминутно отдыхать. Протащился он так целый час и вдруг – пожалуйста – чувствует, что в воздух поднялся! В ушах зазвенело, и – фррк! – вот он уже в Горшках-Поварёшках. Кубула с Кубой Кубикулой его ждали.

– Хороши товарищи! – сказало страшилище. – Что ж вы так долго оставляли меня в сугробах, а? Или дела были какие неотложные, что про меня забыли?

Пришлось медведю с медвежатником у страшилища извиненья попросить. Тогда оно подобрело и развязало узелок. Содержимое им по вкусу пришлось.

Когда наелись, Кубула прочёл письмо, а прочтя, стал чесать себе затылок.

– Куба, как же мне быть? Ведь я не умею писать! Читать ещё так-сяк, научился, это просто, а вот писать – сущее наказанье. У меня коготки неподходящие.

– Ну, а как насчёт Лизаньки? – спросил Барбуха. – Вспомнил ты о ней или нет?

– Сказать по правде, – ответил медвежонок, – память у меня короткая. До твоего ухода я не вспоминал, но потом целый день в брюшке была тяжесть какая-то.

– Эх-хе-хе, – возразил ему Куба Кубикула. – Ничего то ты, дурачок, не понимаешь! Ведь ты говорил о ней.

– Ура! Ура! – крикнул медведь.

Да так громко крикнул, что разбудил в соседнем доме хозяина пекарни. Тот постучал в стену палкой – думал, теперь тихо будет. Не тут-то было: Кубула запрыгал, зарезвился – ну, не угомонишь! То ли Мартиновы пирожки с ума его свели, то ли медвежий господь бог таким уж сумасшедшим его сделал . . . В конце концов Куба ремнём его вытянул. А то ни в какую. Чтоб отвязяться, взял Куба Кубикула какой-то обрывок бумаги и принялся вместе с ним писать. Стал водить его лапкой и начали появляться ужасные каракули, в которых ни одному чертячьему учителю нипочём не разобраться. Последний ученичишка в преисподней не развёл бы такой пачкотни. Буква «а» выходила похожей на корзинку, «е» – на рыбку; каждая буква что-нибудь да напоминала, но ни одна не выглядела порядочной буквой и не имела ничего общего с прописью, столь дорогой сердцу пана школьного инспектора. Грамотеи такого нацарапали – ну просто беда. А хотели написать:

Дорогая Лиза, мы в Горшках-Поварёшках у пана бургомистра; нам здесь очень хорошо. Спасибо тебе за пирожки, они пришлись очень кстати. Паны советники хотят, чтобы мы у них остались, но ты не бойся: мы уже ищем где плотник дыру оставил. Всего тебе доброго, Лизанька. До свидания!

Барбуха удивился, что его друзья такую чушь городят.

– Ах ты, мой дурачок! – сказал ему Кубула. – Ты что же, хочешь, чтоб мы Лизу до смерти перепугали? Нас, мол, в арестантскую посадили. Ни за что! Ты пугай, коли тебе нравится, а ни мне, ни Кубе заниматься этим не к лицу.

Он аккуратно сложил записочку и потребовал, чтобы призрак сейчас же снова пустился в путь.

– Не отвиливай, кривая душа, – сказал он страшиле, когда тот заупрямился. – Ступай, ступай, ступай! Мы ведь оказываем тебе великую честь, что посылаем. Это поручение, голубчик, поважней всей твоей ненужной работы – оно даст тебе кучу пирогов.

ЕДВА КУБУЛА ПРОИЗНЁС эти необдуманные слова, страшилище повалилось на спину, и дымное тельце его стало редеть.

– Ах ты неблагодарный, неблагодарный! – сказал он, поводя носом. – Разве ты не знаешь, что я расплывусь и мне конец придёт, как только ты меня бояться перестанешь? Теперь – спасибо сказкам – я виден каждому безобразнику, у которого есть причина меня бояться. А что тогда будет, а? Что, если от меня ни крохи не останется?

Есть на свете одно прескверное правило, из которого нет исключений, – разве что их введёт будущий устроитель нового порядка. Окаянное правило это хорошо нам знакомо: люди сильней всего ссорятся, попавши в беду. Тогда самое подходящее время, тогда как раз в пору пускать в ход «будь ты неладен» и «чтоб тебя разорвало».

Когда сидишь за решёткой, не больно обдумываешь свои слова. Ясное дело, где теснота, там и ссоры, а что же может быть тесней тюрьмы. Слово за слово, Барбуха не стал молчать, и Куба Кубикула тоже в долгу не остался. Поднялась страшная свара – чуть до драки не дошло. Чем дальше ругались, тем меньше оставалось от Барбухи, и в конце концов он уменьшился на добрую четверть. Маленький стал, как козьи и овечьи призраки . . . Да пока мы вот говорим, он уж не многим больше беличьего привидения.

– Барбуха, страшилка дорогой! – воскликнул Кубула, видя, что друг погибает из-за его неверия и грубости. – Миленький, перестань чахнуть, сделай так, чтоб потолстеть и оставаться с нами, пока наши передряги не кончатся.

Куба Кубикула присоединил свой голос к голосу медведя, и им удалось общими усилиями добиться того, что губительный распад вдруг кончился. Это, наверно, сделала любовь, потому что она сильнее страха. Барбуха был теперь величиной с хорька. Это очень его бесило. Как же так?

Разве он не вёл себя честно, благородно? Не был мил, отменно вежлив, скромен, тих и приветлив, не старался скрыть запах гари? Кто может в чём его упрекнуть? Никто. Но как раз поэтому его никто и не боится. Медведь с медвежатником любят его, но вы же понимаете – любви они его даже больше самих себя и будь страшилище это хоть бриллиантовое, в один прекрасный день люди либо медведи выживут его из своей среды. Короче говоря, уже тогда пора страшилищ миновала и Барбухе пришло самое время исчезнуть.

– Милые друзья, – промолвил призрак, – спасибо вам за то, что вы оставили меня в живых, но, пожалуйста, не посылайте меня никуда. Не могу я идти к Лизаньке, прежде чем она меня не позовёт. Разве я такой до неё дойду?

Кубула взял беднягу на руки и стал его баюкать: бай-бай-бай. Потом, привязав письмо ему к хвосту, положил его самого в Кубову шапку. Было ровно семь утра. Петухи пели, гусаки и селезни кричали, воробьи чирикали. Всё что свистит, свистело, всё, что хрюкает, хрюкало – всё рвалось в мир, жизнь била ключом. Жители Горшков-Поварёшек были уже на ногах, а наши друзья спали в тюрьме, положив ногу на ногу и подсунув под голову лапку.

ВДРУГ КАК ЗАГРЕМИТ ключ в замке – дверь открылась и вошли трое: полицейский, староста и первый советник знаменитого города Горшки-Поварёшки.

– Ха-ха, – промолвил староста Ранда, – эти негодяи притворяются спящими и воображают, будто мы такие олухи, чтоб поверить. Ну-ка, кум, вытяни медведя палкой!

Советник был такой грубиян, что недолго думая уж замахнулся. Но в эту минуту, в это жуткое мгновенье Кубова шапочка раскрылась, и – вот вам, пожалуйста, не угодно ли! – Барбуха как раз высунул свою осиную головку, протёр глаза, распушил свои дымные шерстинки и приготовился лететь к Лизаньке. Эта славная девочка только что встала, тотчас – сама доброта – вспомнила о своих друзьях и позвала страшилище в Грибы-Грибочки.

Советник с перепугу выпустил палку из рук и завопил:
– Ай-ай-ай-ай!

А страшилищу это на руку. Оно осклабилось, придержало хвостик с Кубуловым письмом и весело ответило:

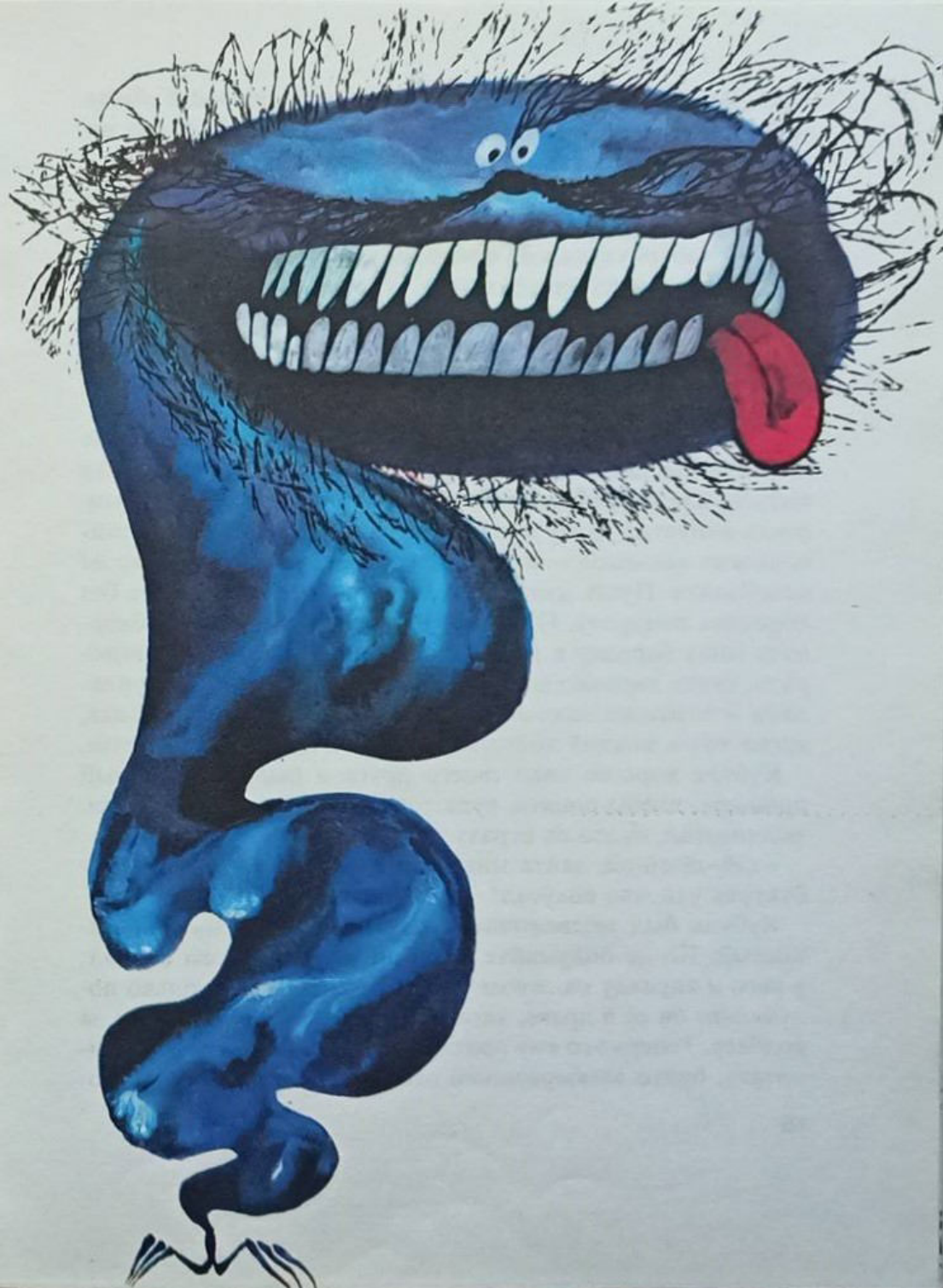
– Бар, бар, бар!

Потом взобралось на окно и хотело было лететь знакомой дорогой.

Но, милый мой, благодаря ужасному страху, обуявшему старосту, советника и полицейского, у него выросло брюшко, так что ему нелегко было пролезть сквозь решётку.

Для нас тут нет ничего удивительного: мы ведь знаем, что страшилища питаются страхом. Все сказочники, все старые добрые писатели и все отцы отечества твердят об этом, но старосты и советники – тёмные охламоны, им этого не вдолбишь. Отродясь не знают, почём пряники в Пардýбицах. Сто лет тому назад люди дали им палку в руки, а господь бог ничем их не умудрил. Уж от природы такие: первым делом палку в ход!

Бац, бац, бац! Староста, советник и полицейский размахнулись и давай колотить по окну! Понятно, что из этого вышло. Барбуха давно уж вылез и жаворонком летел к Лизиной кузнице, а стёкла – вдребезги, и один из брюханов получил от полицейского крепко по пальцу. Говорят, полицейский сделал это нечаянно, от избытка усердия, но, по-моему, правитель Горшков-Поварёшек этому не верил.



ТАК ЛИ, НЕТ ЛИ, только галдели они над Кубой Кубикулой и медвежонком Кубулой как оглашенные. Ни слова нельзя было разобрать.

– Благородные господа, – сказал медвежатник, – о чём вы так спорите? То, что вы видели, – нюрнбергский вурдалак Хурхабарбухурха. И ежели вы, не дай бог, его стукнули, он вам задаст жару!

Медвежатник стал рассказывать всякие ужасы и нагнал на голубчиков такого страху – ой-ой-ой! По ночам, мол, Барбуха ходит к нахалам, которые плохо о нём говорят, обезьяной его называют.

– Ведь мы его всю ночь никуда не пускали, чтоб он не выкинул какой-нибудь шутки с паном старостой, – сказал хитрец, еле удерживаясь от смеха. – Он бы вам, ваша милость напустил дыму в нос. Я хочу объяснить вам его дьявольские замыслы – и пусть дурак буду, если вы нас не освободите. Пусть дурак буду, если вы нас освободите без хороших подарков. Он хочет отгрызть вам ухо, пообкорнать вашу бородку и усики! Зубы у него, можете мне поверить, будто нарочно для того и устроены. Ей-ей! Все вурдалаки – страшно лакомые, особенно до ушного хрящика, когда тот в зимний холод намёрзнет и сладким сделается.

Кубула хорошо знал своего друга и был достаточный проныра, чтобы понять, куда тот метит. Он весь затрясся, забормотал, будто со страху:

– Ой-ой-ой-ой, дайте мне мази какой-нибудь, Куркабарбукурка ухо мне покусал!

Кубула был медвежонок продувной, всеми мазями мазанный. Но не подумайте, чтоб он так уж совсем соврал: у него и вправду на левом ушке ранка была, да только получил-то он её в драке, тягаясь с барбосами да кисками за колбасу. Теперь это ему пригодилось, и он – ну выть и причитать, будто вамбержицкий псаломщик. Но паны, старо-

ста и, само собой, советники сельской общины очень проницательны, и кожаные их штаны недоверием подшиты.

Они осматривают вещи справа, слева, кашляют, сморкаются, не говорят ни да ни нет, пока какой-нибудь болтун не откроет рот, – и тут сразу его одёрнут и произнесут своё: «Я полагаю, так», «Я полагаю, этак» . . .

Передавать такую речь – канительное занятие, и, так как она не стоит ломаного гроша, пускай язык их спокойно во рту лежит.

МИЛЫЙ КУБА И МИЛЕНЬКИЙ КУБУЛА очутились в более надёжном заключении, чем арестантская возле печи мастера Бóгдана. Их перевели в подвал.

Ох, сидеть в подвале – поганое дело.

– Послушай, Куба Кубикула, – сказал медведь, – это всё из-за тебя! Зачем ты плёл такую околёсицу?

Медвежатник признал свою вину и попросил прощения. Потом, себе в наказанье, согласился обобрать у медведика блох и занимался этим, пока не умиротворил его.

Этак через час бедняги опять вспомнили о Лизаньке и своём посланном.

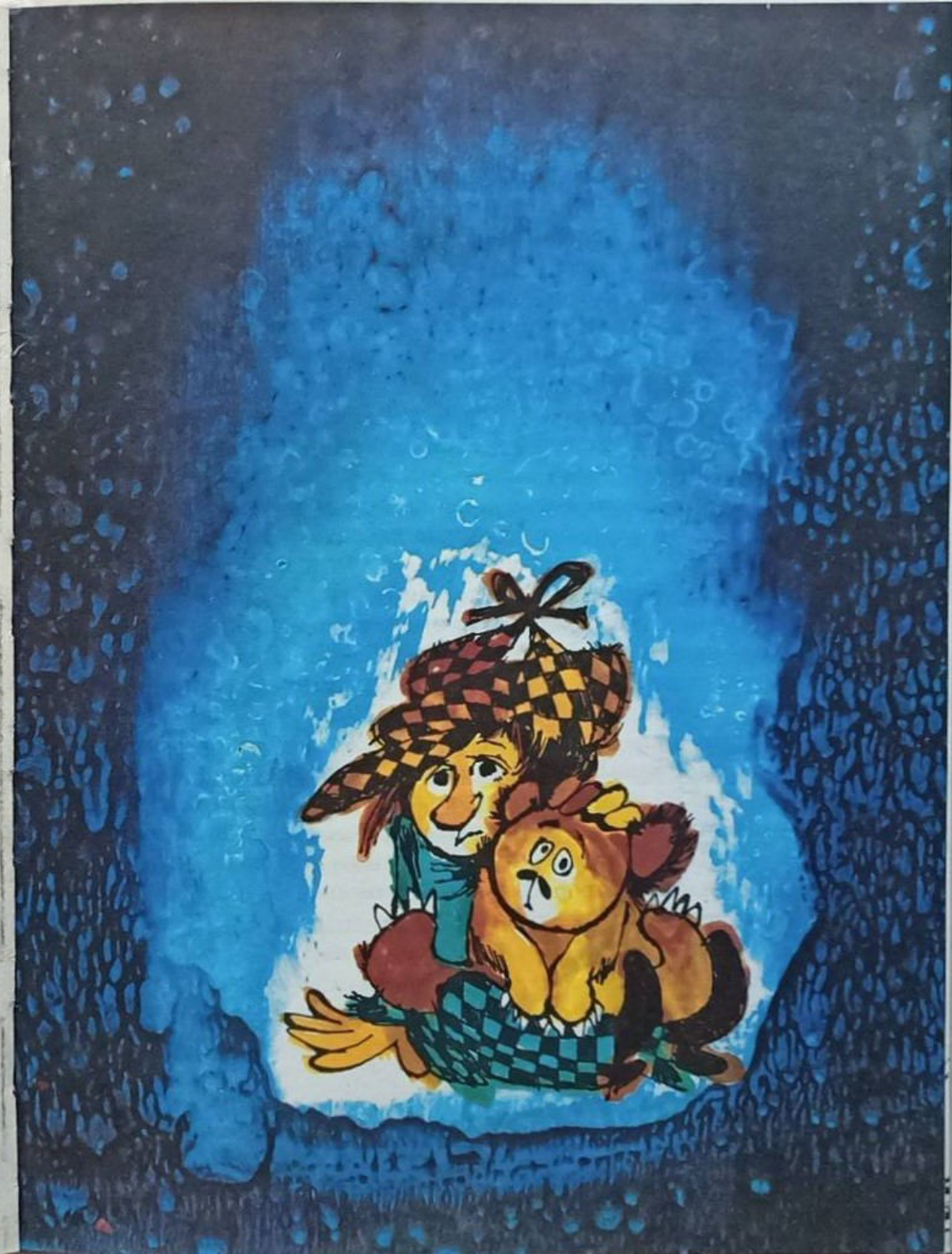
– Уж приходил бы скорей! – сказал Кубикула и стал так упорно думать о Барбухе и такого страху напридумал, такой пыли в глаза напустил . . .

Но привидение не появлялось.

– Кубула, Кубула! – воскликнул через некоторые время медвежатник. – От тебя такая пыль в глаза – прото ужас . . . Сдаётся мне, ты врёшь и Барбухи не боишься.

Тут медведю и в самом деле страшно стало. Он задрожал при мысли, что, может, Барбухи не увидит и не получит от Лизаньки ответа. Но пуще всего он испугался, что на его притворный страх ему в самом деле какое-нибудь страшилище покажется.

Среди этих мучений и тягостей Кубула поступил не совсем как надо. Можно ли было не заметить в его поведении хитрого и коварного умысла? Медведик решил, что лучше всего будет, по способу бедных просителей, до того преувеличить своё тяжёлое положение, что у самого побегут мурашки по коже. Господи, да ведь такое враньё и пусканье пыли в глаза – сами по себе издрядный источник страданий. Чёрт её возьми совсем, эту окаянную фантазию! Человек либо медведь как начнут врать, так, глядишь и увязли во лжи по самую шею. То краснеет, то бледнеет, вертит



шапку в руках, ноготок себе грызёт и – ей-ей – готов хоть сквозь землю провалиться, прямо в преисподнюю . . .

Сколько видели мы плутов и вралей, которым пришлось потом нюни распускать! Не подумайте, что это на всех накатывает – ни-ни-ни! Добрая половина хныкающих учеников ревёт только из-за того, что они допустили какой-нибудь некрасивый, а то и скверный поступок.

Медведь тоже готов был в слёзы удариться. Вот они уж навернулись, вот он уж распустил губы, уж поднимает лапки к глазам. Вот захныкал, как школьник, после уроков в школе оставленный.

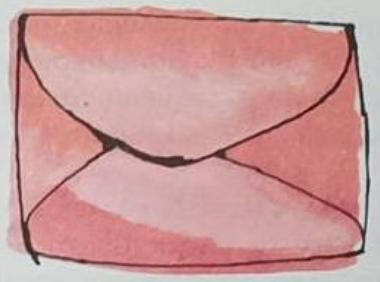
В сказках страх способен вызывать из преисподней и даже из более ужасных мест всякие страшилища. А на самом-то деле ну что страх может сделать? Да ровно ничего. К счастью, Барбуха был добрый и Кубулу любил, – он любил его, а это ведь гораздо дороже страха. Медведь заплакал о Барбухе, два три раза всхлипнул и не успел носик утереть, как Барбуха уже перед ним.

– Господи Иисусе, что ж это вы, ребята, делаете? – спросил он, строго глядя на своих друзей. – Как вы опять обо мне говорили? Ведь я сразу хвоста лишился. О чём вы думаете, разбойники, а? Погубить меня хотите?

Кубула за словом в карман не полез.

– Ах, мой хромуля, страх всё преглупо устраивает. Как можем мы об ужасах думать, коли на тебя, мошенника такого, не нарадуемся. Нет для нас страхов и ужасов. Придумай что-нибудь другое, но прежде всего дай сюда Лизанькино письмо, которое ты в лапке держишь.

И он принялся читать.



МЕЖДУ ТЕМ СТРАШИЛИЩЕ с Кубой Кубикулой стали обсуждать, как бы Барбухе приличный вид приобрести. От бедняги остались всего-навсего голова, брюшко да немножко дымной шёрстки. Судили-рядили и в конце концов порешили на том, чтоб Барбухе питаться старостиным страхом.

В самый разгар беседы в неё вмешался Кубула.

– Смотрите, пожалуйста, – начал он, какую обезьянёнок этот Барбуха у Лизаньки кашу нам заварил! Мы ей писали, что хорошо здесь живём, а она нам в ответ – мол, грибы-грибочевские ребята на выручку вам придут, освободят вас. Значит, ты, пустомеля, всё ей выложил, язык развесил.

– Ничуть не бывало, ничуть не бывало, – возразил призрак. – Разве я в ответе за то, что ты своими чёртовыми каракулями нацарапал? Лизанька вслух письмо прочла, и там дословно стояло:

Лиза! Мы в Горшках-Поварёшках у изверга-бургомистра, и он нас страшно мучит. Шлём тебе наше спасибо за пирожки перед казнью. Советники коптят нас, уморить хотят. Нам очень страшно. Вот уж кто-то с топором идёт. Приходи сюда пешком, Лизанька, отыщи нас.

– Ах-ах-ах! – воскликнул Кубула, услышав объяснение страшилища. – Чтобы я что-нибудь подобное написал? Куба Кубикула, ты из рук вон плохо моими коготками водил! Какая белиберда! Господи боже, в какую же мы плюхнулись лужу!

Медвежатник принялся ходить из угла в угол. Его злило, что причиной всех неудач – его хитрости, поэтому он стал осыпать Кубулу упрёками. Наконец, бросив пререкания, они стали думать, что теперь делать.

– И ты Лизаньку в этом не разубеждал? – спросил Куба.

– Она мне ни настолечко не поверила, – ответило страшилище. – Не поверила, и пускай я весь дымом изойду, если она не идёт сейчас во главе пяти или шести отчаянных девочек – колотить пана старосту и отпереть дверь этой дыры.

– Скорей, скорей давайте придумывать! – воскликнул Кубула. – У меня даже язык вспотел, и я не мохнатик, если не чую: быть здесь несчастью. Не хватает только, чтобы Лиза какую-нибудь глупость выкинула! Мартиновы за голову схватятся. А в школе! Господи, за такие дела страшные головомойки бывают, и кончится тем, что девочка получит двойку по поведению . . .

Но Куба Кубикула, подумав, сказал:

– Не так страшен чёрт, как его малюют. Пошлём Барбуху к пану старосте. Пускай кричит и визжит, пускай рыдает и рыкает, пускай грохочет и регочет, пускай делает всё, что умеет, пускай наводит на него страх изо всех своих сил. Бьюсь об заклад, что удалец будет просить нас о помощи против страшилища. Ведь он знает, что оно ходит за нами как собачка. Так что будет языку чесать, ребята, довольно мы отдыхали – настало время выбираться из этой дыры. Отведём Лизаньку домой, а уж попрёки придётся стерпеть.

БАРБУХА НЕМНОЖКО БОЯЛСЯ, что ведь в Горшках-Поварёшках он каждому виден. Чёрт его знает, то ли там все безобразниками были, у которых совесть нечиста, но только это так! В тех краях на страшилище пальцем показывали.

– Не дай бог, ещё погонятся за мой! – сказал он. – Лучше пойду к старосте, как стемнеет.

– Нет, нет, – возразил медвежатник, – кто его знает, что́ до тех пор может случится. Иди сейчас! Тебя увидят только те, кто тебя боится. Но им не придёт в голову тебя за уши хватать.

– Вот это сказанул! – прервал Барбуха. – А по-твоему, староста не вытянул меня палкой? Нет, кабы он меня не

боялся, так и не увидел бы, а кабы боялся, не должен бы был колотить.

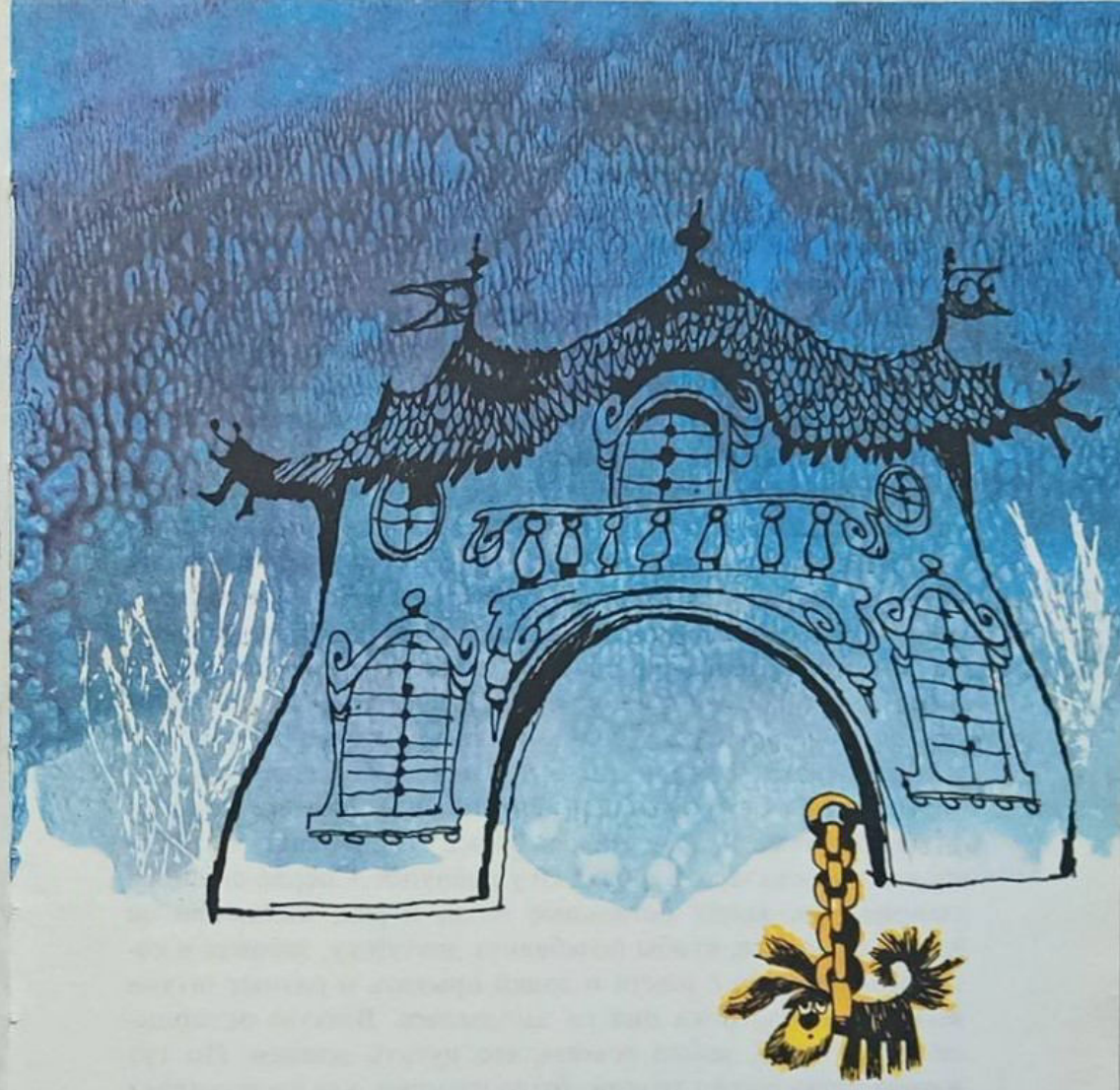
– И в сказках ошибки бывают, – ответил Куба Кубикула и снял рубаху. – Ты войдёшь к нему великолепным страшилищем, у которого всё на месте, – прибавил он, занявшись делом. – Вот приметаю несколько заплаток, и будет у тебя премиленький саван. Дам тебе медвежий колокольчик, чтобы звонить в подходящую минуту. Да не забыл я и хорошей лучины, которую легко разжечь.

Тут Куба покатился со смеху и хохотал, насколько пуговицы позволяли. Смеясь и шутя, они вдвоём на самом деле разрядили Барбуху в пух и прах. Затянули ему ворот рубашки, перехватили её пояском и расписали рисунками с изображением костей, сов, черепа и всяких других ужасов. Право, одного такого рисунка довольно, чтоб у любого старосты усы с бородой – прочь. Получилось ну просто шикарное страшилище; жаль только, маленькое! Но Барбуха не сразу дал себя уговорить, его ещё брали сомнения.

– Послушайте, ведь пан староста Ранда один раз уж мне накостылял, так почему же второй раз побоится?

– Потому что потому! – ответил Куба. – Он тебя испугается, потому что за это время обдумал свои поступки, потому что час от часу всё больше балдеет, потому что без всякой видимой и веской причины посадил в арестантскую вполне порядочного медвежонка и ещё более порядочного медвежатника, потому что у него нечистая совесть, потому что он осёл и, наконец, потому что он этого заслуживает!

– Этого хватит, – сказал Барбуха, спрятал саван в сумку, взял лучину, повесил себе на шею колокольчик, сказал «счастливо оставаться» и выступил в поход.

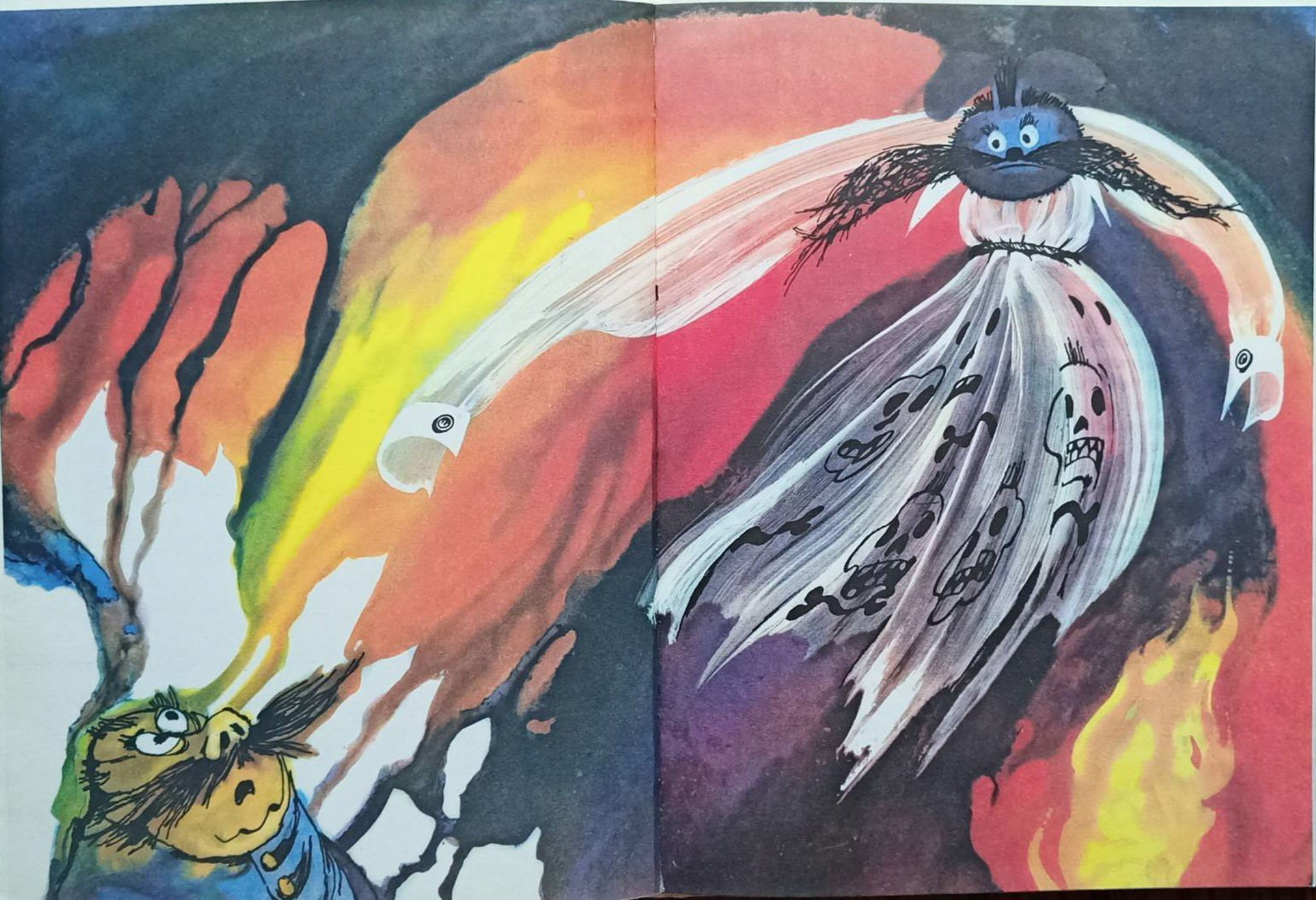


ДОМ СТАРОСТЫ СТОЯЛ на деревенской площади, нахально подбоченясь. Он был пузатый, с взъерошенной крышей. Перед крыльцом прыгал пёсик на цепи. Пёсик этот был как часы, а цепь – как цепочка от часов. Так прыгают

собачки, которых злюка хозяин мучит, держа в конуре, и толстые спесивцы вынимают так часы из кармана. Да ладно, знаем мы, что у вас есть тучные нивы, дом, собака, но знаем и то, что сами-то вы немногого стоите. Вы придурковаты, упрямы и чванны. Не плохо, если страшилище немножко наведёт на вас страху!

Барбуха полегоньку слез с окна и, озираясь по сторонам, подкрался к упомянутому дому. Шёл, будто по горячей плите ступал, то и дело подымал голову и – только увидит, кто показался, – тотчас прижмётся к земле и лежит, будто самая обыкновенная ветошка. К полудню добрался он до старостина дома. Работница как раз зерно курам засыпала; так он ухватился за юбку её и вошёл в дом под этим прикрытием. Старостова комната была большая, хорошая. В ней были печка, стол и прочные скамьи. Барбуха выбрал себе укромное местечко потеплей. Влез на шест над печкой, на котором пелёнка сушилась. Стал ждать; а так как у него было много времени, начал смотреть на детей, к их играм прислушиваться. Ах, у Ранды были премилые ребятишки, и самой славной среди них была маленькая девчушка, розовая такая и немножко перепачканная от постояного ёрзанья на задочке. Она тыркалась во все сторны так, что рубашонка развевалась. Барбуха ей улыбнулся. Сперва он сидел смирно, но, когда остальные дети, играя, выбежали за дверь, принялся, чтобы позабавить девчушку, звонить в колокольчик. Слез с шеста и давай прыгать и разные штуки выкомаривать, пока она не засмеялась. Всякую осторожность потерял, забыл совсем, что пугать должен. Но тут в прихожую вошёл хозяин; было слышно, как он вытирает ноги и ругается. Барбуха вздрогнул. Еле успел на прежнее местечко забраться. Надел скорей Кубову рубаху и хотел было начать пугать. Но его новой приятельнице не понравилось, что он скрылся, и она ударилась в слёзы. Господи,

ну и визжала! Хозяин посадил её к себе на колени, покачал маленько. Не помогло! Ещё пуще закатилась. Открыла ротик, словно кукушечка, и кричит, кричит, кричит! Может, у старосты много холопот было, да и без того у любого папаши всё равно терпенье лопнет, ежели ребёнок так орёт. Староста хотел нашлёпать дочку по задку. Но шлёпнул раз-другой и перестал: такой Марья́нка рёв подняла, что в ушах зазвенело! Мамаше это было не больно по вкусу; она лучше бы дело уладила, но молча стала на стол накрывать. Отец за едой хмурый сидел, а рёвушка всё никак не могла успокоиться.



В ТАКОМ ОБЕДЕ какое удовольствие? Понятно, никакого. Но вы послушайте, чем кончилось! Сейчас же после супа Барбуха начал звонить, и отец воскликнул:

– Кто это звонит? За столом прилично сидеть не умеете, бездельники чтоб вам пусто было!

Дети переглянулись: никто ничего не делает, а колокольчик звенит себе да звенит. Старший получил подзатыльник, но дурацкий звон не утих. Что такое? Батюшки, страшилище! Отец семейства прямо против печки сидел и, глядя во все стороны – откуда ж звону быть? – вдруг увидел Барбуху! Тот болтался, ухватишись передними лапками за шест, а рубашонка свисала на два локтя ниже ног. Зрелище такое, что папаша так и окаменел на стуле. Было страшно, как бы с ним чего не приключилось. Сразу взмок весь, будто из пруда вылез. Дети – те ровнёхонько ничего не боятся, а всё-таки закричат, когда на них вот такое кинется. Представьте же себе, каково было взрослому! Хоть за двадцать вёрст прочь беги!

Староста закрыл глаза, показывая левой рукой на страшилище. Он икал от ужаса, и зубы у него стучали – дрдрдрдр! А Барбуха с такой же быстротой тараторил бар, бар, бар!

В одну минуту из комнаты всех будто метлой вымело. Мамаша вопила, служанки вопили, дети от этих воплей ошалели и тоже вопить принялись. Папаша стал глазами вилы искать, чтобы хоть ими защититься, но не нашёл. Они перед ним стояли, да он, бедный старикан, от страха не заметил.

БАРБУХА ОСТАЛСЯ В КОМНАТЕ вдвоём с маленькой Марьянкой. Они откусывали вместе от одного и того же пирожка – каждый со своего конца, – и оба были в прекрасном настроении.

– Боже мой! – воскликнула маменька. – Да мы там детку свою оставили!

Служанки хотели было её за юбку удержать, да куда там: она вырвалась! Ни на что не посмотрела бы, пошла бы за своей шалуньей хоть в преисподнюю!

Вернулась в комнату и видит: те вдвоём играют. Тут ей стало смешно, и она обоих поцеловала. Ей-ей, страх совсем прошёл. Но не успела поцеловать страшилище, как бедняга наполовину опал, а после второго поцелуя у него хвост отвалился.

– Ну, мамаша, и удружили вы мне, – сказал он. – Я уж был с порядочную собаку ростом и сил набрался, а теперь опять еле двигаюсь. Будьте добры, спрячьте меня куда-нибудь в корзинку, мне самому не дойти.

Добрая маменька стоит над Барбухой, головой качает – как с ним быть? Надо бы просьбу исполнить, да папаша

есть папаша. Не прятать же страшилище от своего мужа!

– Ты чей? – спросила она вместо ответа.

– Да я просто так, выдуманный, – сказал Барбуха, и ему стало очень грустно.

Приоткрыл дверь хозяин, видит – Барбуха совсем сборчатый сделался. Тут он почувствовал страшный прилив отваги, сразу встал на всю ступню и затопал – ну, как старосты топают. Ещё Барбуха пищал, что никого не знает, кроме медведя да медвежатника, а папаша уж возле него. Хвать его за уши и поднял горемычного, как зайчишку.

– Ты что, – говорит, – обезьяна этакая, ходишь, людей пугаешь? Я тебя проучу!

Много наговорил, а так как больше всего о себе любил толковать, речь его была усеяна всякими «я», «мои», «мне» и так далее – слушать противно!

Барбуха трепыхаясь у него в руке, выпустил свои знаменитые жалки. Хотел раза два-три старосту кольнуть, да только раз впился. Счастье ещё, что староста такой трус был: только его ужалило, выпустил он Барбушку бедненького и давай стонать – рука, мол, отнялась! Дети и мамаша были, понятно, за отца, одна только младшенькая обрадовалась, что её мохнатик снова на коленях у неё, и обняла его так, что чуть не задушила.

Барбуха, прижавшись к ней, изо всех сил в неё вценился.

И вот что произошло. Когда они так обнялись и друг к дружке прильнули позвал Барбуху Куба. Позвал очень внятно, и Кубула тоже позвал, даже ещё внятней. Как быть? Страшилище не выпустило Марьянку, и Марьянка тоже крепко его держала. И вот страшилище взмыло, а детка – вместе со страшилищем. Фрк! – и они уже за дверью.

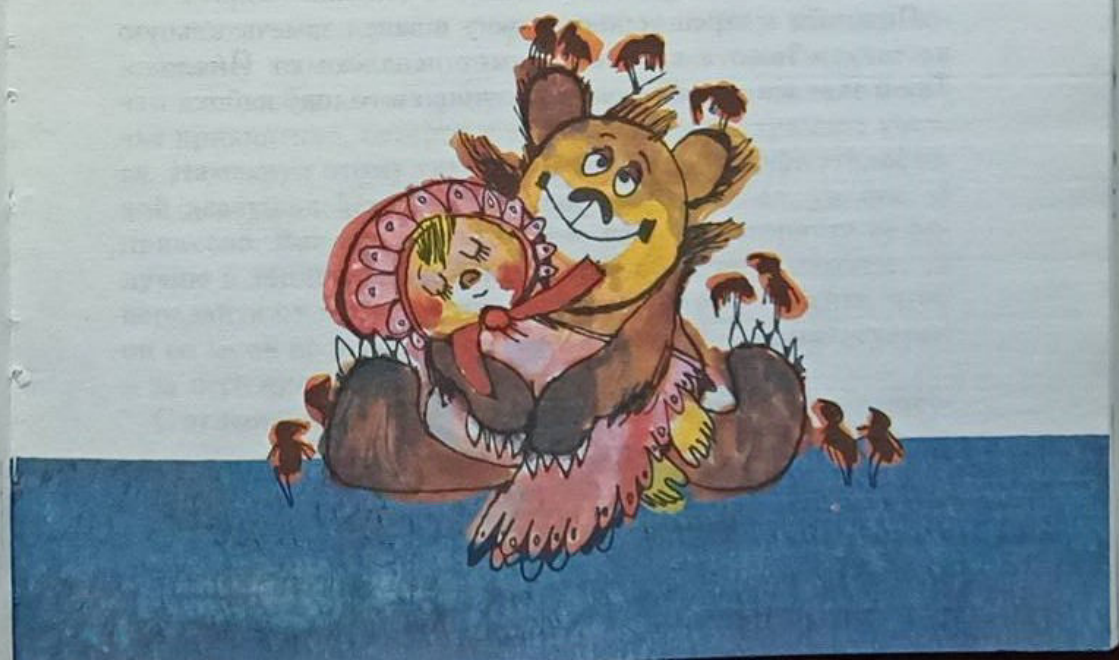
Тут в доме старосты поднялось столпотворение. И слёзы, и прокляться – ужас просто! Но маменька утёрла слёзки – и скорей вон, скорей за пропавшей Марьянкой!

А ДЕВОЧКЕ ХОРОШО БЫЛО, и наши друзья были счастливы, что она у них. Куба Кубикула сначала рассердился и высказал Барбухе своё мнение о страшилищах, которые детей похищают:

– Ведь она могла простудиться! Смотри, ты ответишь, если у неё будет лихорадка.

Чтоб малютке не было холодно, медведю пришлось взять её к себе на колени и дышать ей за ворот. Она смеялась, только вот Кубуловы блохи не давали ей покоя. Барбуха тем временем рассказал своим товарищам, как было дело.

– Ну что ж, сердись на тебя не сердись, – сказал Куба, когда страшилище кончило. – Что с тобой сделаешь, коли ты такой дурачок и так любишь всюду нас совать? Лучше было совсем детей не трогать. Мы-то как-нибудь из передряги выпутаемся, а вот как будет с Марьянкой? Я знаю, староста со старостихой в страшной тревоге. Это, брат, никуда не годится – так их мучить. Лучше ужалил бы старика лишний раз, а девчушку уносить – не дело.



– По-моему, тоже, – сказал медведь. – Будь у нас молочко – дело другое. А чего мы ей дадим, когда ей кушать захочется?

Между тем Марьянка на коленях у медведя уснула. У Кубулы спина заболела от неподвижного сидения, но он боялся пошевельнуться.

Блошки кусали его, но он не мог почесаться. Сидел как каменный, левая лапка у него онемела. Туго приходилось, а сидел. А Куба Кубикула смотрел на товарищей и радовался, что они такие добрые.

«Но какое это имеет значение, – думал он, стоя возле этих зверюшек, – хорошие мы или плохие? Какие бы мы ни были, староста нас не выпустит, пока не отлупит. И что это нам в голову взбрело смеяться над ним? Чего мы накинулись на сваи моста и подпилили их? С какой стати Барбуха взъерепенился на старосту? Бес его знает, кто нас на всё это натолкнул? Чёрт побери! Чёрт побери!..»

Куба звал на помощь чёрта и дьявола, но никто не показывался. Надо было выпутываться самому. Он подумал и вдруг хлопнул себя по лбу:

– Есть!

Подошёл к зарешеченному окну и запел замечательную песенку: «Знаю я красивый замок недалёко от Йи́чина». Так и залился во весь голос, склонивши голову набок.

ПРОХОДИЛ В ЭТО ВРЕМЯ мимо тюрьмы пан приходский священник. Услыхавши пение, скорей заткнул себе уши и давай бог ноги!

Потом прошёл мимо мужичок, подмигнул Кубуле и показал длинный нос ратуше.

Да это нашим друзьям ни к чему. Но вот идут две бедные крестьянки и старушка с вениками. Остановились, послушали Кубово пение. Потом присела самая старая на корточки, глянула медвежатнику в лицо и говорит:

– Батюшки! Да ведь это Куба Кубикула! Чего ты натворил-то, медвежатник, что тебя в кутузку посадили?

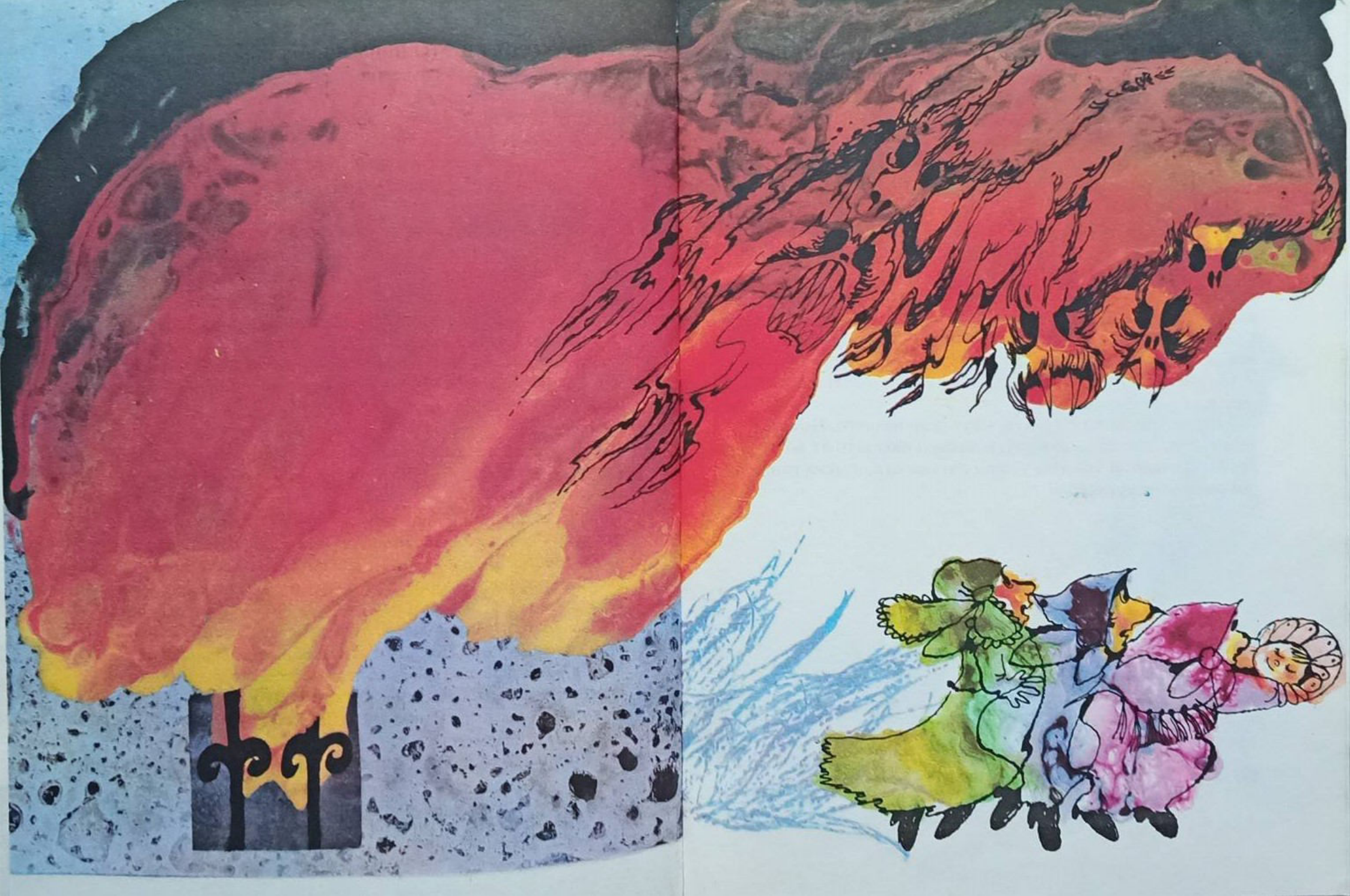
– Старосту рассердил, – ответил медвежатник.

– Ну, плохо твоё дело. Насидишься, коль на тебя староста прогневался, – сказала старушка.

Стал тут Куба рассказывать что в голову придётся. Объявил, что он волшебник и обладает ужасной силой.

– У меня, – говорит, – есть свора медвежьих ведьм да свора кошачьих ведьм. Только я свистну, они сейчас же явятся мне на помощь со своими когтями, зубами, жалами, хвостами и огнём. Царь небесный, да я с ними девять полков старост побью, с самим Вельзевулом в придачу! Я только хотел, дорогие старушки мои, этому вашему почтенному мимоходом показать, с кем он имеет дело и на что я способен. Знаете, что я сделал? Наслал на него беличье привидение, которое у этих чудищ моих грамоте учится. Намекнул этому самому привидению насчёт старостовой девчушки Марьянки. Оглянуться не успел, уж оно её принесло. Вот она. Будьте такие добрые, заверните её получше в тёплый платок и отнесите обратно к мамаше; ей передайте от меня поклон, а старому этому скажите, чтоб он со мной не шутил, а то мы с Барбухой – гудрыгугудры! – за него примемся.

С этими словами Куба просунул Марьянку сквозь решёт-



ку и подсадил на подоконник медведя со страшилищем. Молодцы заурчали, а Барбуха ещё и глаза таращить стал. Очень здорово вышло, и старушки набрались столько страху, сколько у них в голове поместилось.

– А нам-то и невдомёк, что́ это за птица! – говорили они, спеша со всех ног к старостовой усадьбе. – Экие черти! Никогда не знаешь , что в них кроется!

На площади они встретили Марьянкину мамочку. Как она обрадовалась, увидев опять свою пышечку!

– Муж, – сказала старостиха, уложив девчушку в кроватку, – я не знаю, что у тебя с Кубой Кубикулой вышло, но только берегись! Он показал нам, на что способен. Ему злые духи помогают. Господи, спаси и сохрани нас от зла! Старухи говорят, у него там полон подвал страшилищ, а одно из них мы своими глазами видели. Лучше брось! А то будет на тебя страх нагонять как нынче и вчера, ты через неделю ноги протянешь.

– Ну да, – ответил староста, – тут дело нечисто. Но я дал себе слово, что так не отпущу, и должен наказать их во что бы то ни стало! В три часа у нас в ратуше суд, и меня голыми руками не возьмёшь!

А МЕЖДУ ТЕМ КУБА КУБИКУЛА пел не переставая. Пел себе и пел. У окна холодной собралась целая гурьба ребятишек и множество добрых людей, которые вчера так потешались над старостой! Почти все жалели Кубу, только несколько брюзгливых старикашек были другого мнения.

– Поделом ему, – говорили они. – Не колдуй. Зачем наш мост разорил? Мы его папашу знали, честный был медвежатник, и мы его никогда не сажали, потому – знал своё дело, а в чужие дела не совался. Ну, а молодой-то, видать, не в него: непутёвый вышел и с нечистой силой знается.

Там-сям обронит кто в этой толпе щепоточку страха, а Барбуха так и кидается на эти крохи. Всего минутка какая-нибудь понадобилась ему для того, чтоб потолстеть и стать упитанным, сильным, ростом с порядочную собачку. А Куба тоже этого хотел? Очень может быть; по крайней мере, он хохотал от всей души и, только страшилище чуть увеличится, шлёпал его по задочку, приговаривая:

– В добрый час! В добрый час!

И Кубула чувствовал себя неплохо: протянет лапки и получит – когда пирог, а чаще всего ломоть хлеба с салом. Он бормотал что-то, хватал девчонок за юбки, а мальчишек за штаны. Что смеху было! И, право слово, невольно хотелось, чтоб этих проштрафившихся выпустили на свободу.

Но среди зевак толокся стражник, и у него, как говорится, были ушки на макушке. Развлечения и забавы продолжались до трёх часов. Но тут появился барабанщик и принялся барабанить, сзывая совет и суд.

Ну, суд так суд, что ж поделаешь! Обвиняемых надо было доставить в наручниках. Куба Кубикула не противился, но медведю и страшилищу это было против шерсти. Они рвались, воротили носы. Да не помогло. Пришёл староста, позвали на помощь церковного сторожа и заковали малышей, так же как вскоре после этого разбойника Бабинского.

ПОШЛИ НА СУД. Старики, подростки, дети с мокрыми носиками, старухи, мужчины в расцвете сил, молодые, юные и пожилые особы женского пола, невинные младенцы, мошенники, один удалец и пятнадцать трусов – словом, вся деревня с собачонками, у которых хвост закорючкой, и с теми, у которых хвост трубой, и с теми, у которых он – увы! – оттяпан. Шли не спеша, а позади всех шагал кот, поводя хвостом то в одну, то в другую сторону. Старостиха руками всплеснула при виде их всех и очень высказалась красноречиво в том смысле, что староста – осёл и советники – тоже ослы.

– Да нешто такая толпа поместится в комнате? – сказала она и захлопнула дверь у них перед носом. – Ступайте с ерундой своей на площадь!

Жители Горшков-Поварёшек стали толковать, что до этого она никогда ведь не была сурова или особенно криклива, а нынче накинулась на старосту, видно, оттого, что держала сторону Кубы и его страшилища.

Старостиха была в самом деле сама не своя. Она боялась за Марьянку и не спускала её с рук. Когда медвежатника и его зверушек повели в суд, она вышла с ней на крыльцо, и малышка увидела Барбуху. Увидела – и ну кричать и тянуться к нему ручонками . . . Ах, хоть она ещё не умела говорить, но так ясно выразила своё желание идти, куда и он, что мама была не в силах отказать.

Судьи, подсудимые и толпа шли, пока не остановились посреди площади. А посреди площади был пруд. Так они остановились на льду пруда.

СТАРОСТА РАНДА ТЕРПЕТЬ не мог произносить речи и выступать публично, так что слово получил старый Бурдабурдéра. О, это был псалтырщик, читавший молитвы на всех церковных праздниках, гроза мальчишек, гроза богомольцев! У этой старой лисицы была преогромная голова – больше двух пузырей с двумя горошинами в придачу. Когда Бурдабурдера говорил, он убирал подбородок в шейный платок и прижмуривал глаза. Вот он уж это сделал, всё идёт по порядку, правую руку к груди прижал, а левой за ухом чешет.

– Милости просим на наш совет, соседи! Рассаживайтесь как сумеете, но мы находимся на замёрзшем пруду, так что не советую. Я, так сказать, должен вам сказать, что мне староста сказал, чтоб я сказал, что нынче по деревням народ бедует и пропадает. Что пришёл сюда медвежатник и староста видел, как он со страшилищами своими оказал неуважение представителю власти, когда в представителя-то два жала воткнулись, да как пошло припухать, аж раздулось, вспухло, что пряжи моток на веретене. Тут не до смеху. Кто не знает, как это больно, тот пускай не дивится, – это ровно шилом пырнуть. Да кабы ещё в спину, а то прямо в рыло – вдвое того больней. Староста сказал, нельзя нам того терпеть, чтобы старосту нашего страшилище в морду жалило, – потому страшилища как есть запрещены. А оно как ни в чём не бывало по деревне расхаживает, а не должно того быть. Опять же мост нельзя портить и по свае колотить, чтобы всё грохнулось наземь и староста окорачь сел, даже шапка слетела. И чтоб за смех столько народу сажать пришлось, что в холодной от них дым столбом, да за насмешки. Потому это ещё не всё, ежели кто споткнётся либо мимо сядет. Тут не то что уж обязательно олух или балда какая. Староста наш, скажем, совсем тому непричастен. Потому его дело справедливым быть и до-

брый пример – главное, детям – подавать. А дети-то сущие наглецы и безобразники, а чтоб корову выгнать, да крапивы нарезать, либо принести чего – так разговору да увёрток дурацких, ну человек и взбесился. А я вам скажу, мне что, а всыпал горячих – и дело с концом. Почём попало – на это уж не смотрю! Вот как по-нашему!

– Будет, дядя, будет, больно расходился! – закричали оратору крестьяне. – Перестань, а то тебя слушать – вянут уши!

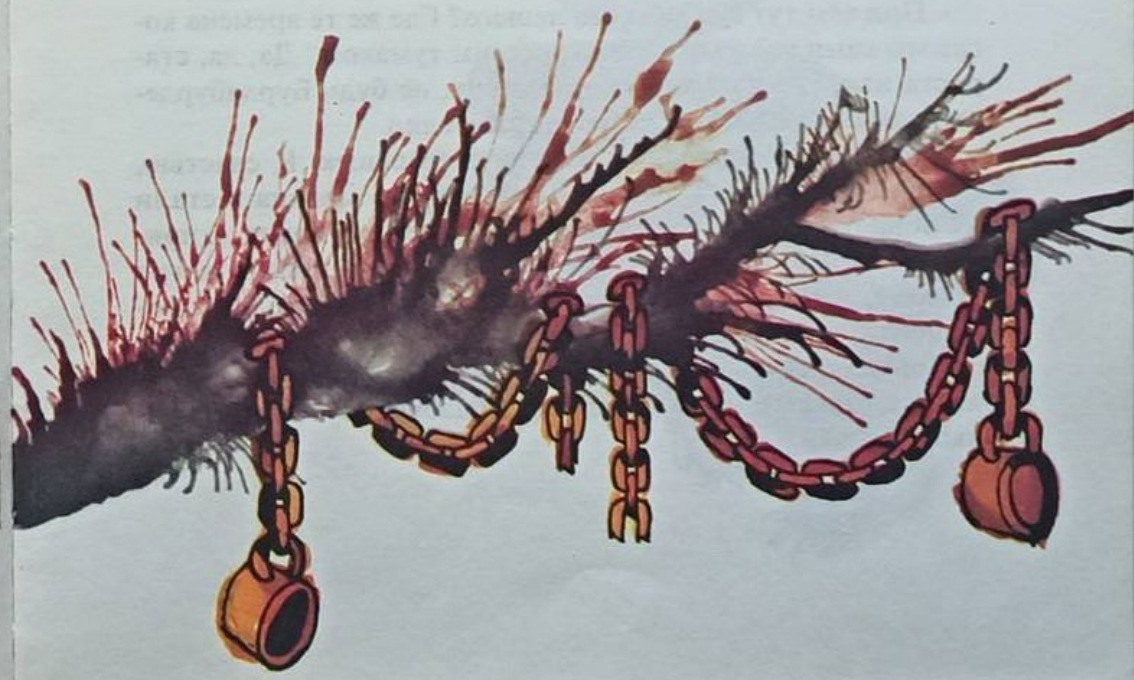
Одни хохотали, другие умилялись такому дивному красноречию и говорили, хлопая себя по бёдрам, дескать, этот малый далеко пойдёт. Жаль, что Бурдабурдера так давно жил: вот была бы нам славная потеха!

Когда он окончил, тишина, против ожидания, не воцарилась. Наоборот, поднялся страшный шум, крик, раздались рукоплескания. Мальчишки кричали: «Ура! Валяй ещё раз, начинай сначала, да поподробней!» Девчонки пищали, маменьки икали, папаши принялись кашлять, и всем было очень весело.

ТУТ КУБА КУБИКУЛА оглядел почтенное собрание и, заметив, что не много таких, которые сохраняют серьёзность, и никто не хмурится – разве какой с похмелья, либо у кого печень больная, – подмигнул Кубуле, и голубчик наш сразу понял его. Начал он выделывать всякие штуки, изображать букашку и пустынника и всё, что способно так блоху расшевелить, чтоб люди за животики хватались. Он побрякивал своими цепями, и Куба тоже побрякивал цепями. Один шёл вперёд, другой – назад. Они прыгали друг против друга, обхватывали один другого поперёк, визжали, резвились, кувыркались, кружились волчком, вертелись с неслыханной скоростью вокруг своей оси, плясали, пыхтели, дурака валяли. Вдруг – звяк! И летит к ногам старосты Кубулова цепочка. Звяк! И медвежатниковы наручники падают куда-то в снег.

Ну какие тут суды, какие тяжбы с этими весёлыми ребятами! Выпустите их, пускай идут себе с богом либо ко всем чертям!

Э, легко сказать, но что делает староста? Он велит



стражнику сейчас же схватить медведя и медвежатника. И стражник бросается исполнять. Вот уже летит, как в хрестоматиях Яросла́в из Ште́нберка на татар летел. Нос горит, фалды развеваются. Как чешет, как лупит! Не дай бог, догонит!

Но разве наших друзей было не трое? Неужто Барбуха такой ротозей, чтобы смотреть на эту гоньбу, как мокрая курица? Что он – драться не умеет?

Нет, нет, нет! Вот он поплевал себе на лапки, выпростался из наручников – и стремглав за стражником. Уж он ему всадит жало, уж он вонзит! Вот догнал, и пошла пляска . . .

Стражник и Барбуха – один клубок! Страшилище разъярилось, и от этого поднялся чад и такая вонь, как на лесном пожарище. Чуть не испортилось Кубулово хорошее настроение. Да и зрителям туговато пришлось: двум мамашам стало дурно от смеха, а бабка-знахарка нагнала всем страху – сказала, что, смеясь так неумеренно, они порвали себе смеховую жилку.

Некоторые разумные люди подняли голову, и было ясно слышно, как они твердят:

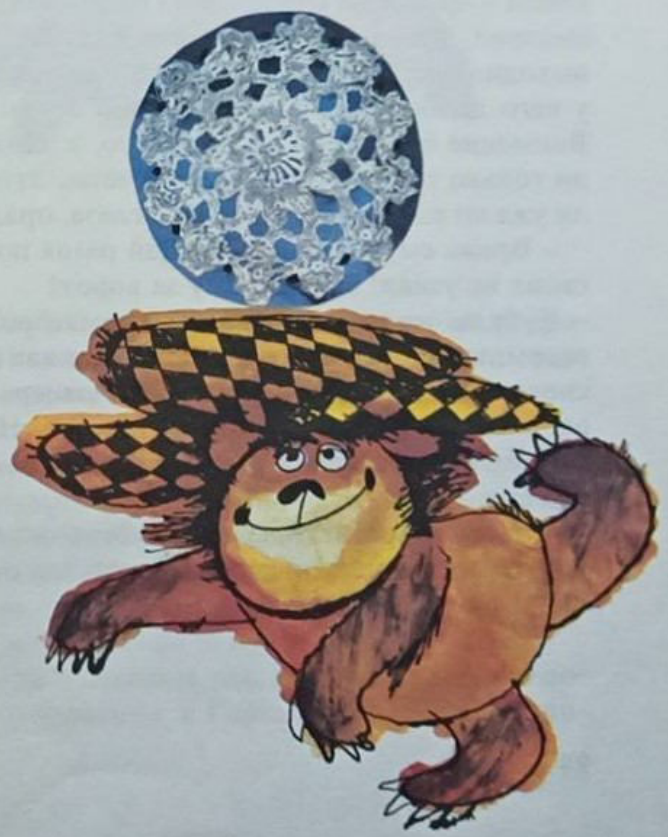
– При чём тут суд? Какого лешего? Где же те времена когда мы сами всё улаживали хорошим тумаком? Да, да, староста наш гроша ломаного не стоит, не будь Бурдабурдеры, он бы пальцем ни разу не пошевелил.

Впрочем, это говорили жители Поварёщек. К счастью, соседи с того берега Уточки были другого мнения и стали их поправлять, выкрикивая подходящие присловия, к примеру такие: «Всякому овощу своё время», «Ищи ветра в поле», «Что с возу упало, то пропало», «А где прошлогодний снег?»

Попадались и менее удачные прибаутки, но из них сохранилась только одна: «Посадите Бурдабурдеру под стеклянный колпак».

ПОД ЭТИ ВСПОЛОШНЫЕ ВЫКРИКИ собрание распалось на два лагеря. Жители Поварёшек столпились на левом берегу пруда, а жители Горшков сгрудились на правом, ближе к ивам. Какой-то отчаянный – гусь его залягай! – слепил снежок. Это было сделано, конечно, из дурных побуждений; но как бы ни были дурны побуждения, пуля попала в цель очень хорошо: прямо оратору в нос.

Тут завязалось сражение, – другого такого старожилы не запомнят. Пули свистели, шлёпались, сыпались, нагоняя холоду вдвое против прежнего. Но потом ртуть в термоме-



тре поднялась, и вскоре наступило потепление, потому что от трения и ударов возникает тепло.

Граждане Поварёшек и граждане Горшков могли утопить друг друга, так как лёд пруда уже начал трещать. Они могли засыпать друг друга снегом, и все, как один, жалостно погибли бы от недостатка воздуха и пищи. Но Барбуха, Кубула, и Куба Кубикула заметили прекрасную ледянную дорожку, шедшую поперёк пруда. Эту замечательную тропку создали в добром согласнии горшковские и поварёшковские ребятишки, и пользовалась ею вся окрестная молодёжь. Это была всем ледяным дорожкам дорожка. Кубула первый прокатился по ней в тот вечер с таким искусством – присев на корточки на одной лапке, – что всем, кто смотрел, пришла охота кататься. У медвежатника так не выходило, а Барбуха попросту растянулся, оттого что ноги у него дымные и слишком сродни огню: от них таял лёд. Внимание бойцов было отвлечено, и потасовку продолжали только те, у кого были свои счёты. Эти оголтелые залезли уже по пояс в снег и, выпуча глаза, орали благим матом:

– Врежь ему хорошенько! Дай разок по уху! Влепи, чтоб своих не узнал! Запусти ему за ворот!

Кубула, желая пленить этих сумасбродов своим искусством, кружился на ледяной дорожке как бешеный. Снежки сновали над ним, образуя двенадцатикратную радугу. Ах, ах, ах!.. До чего же это было красиво! Но в самый разгар к Кубуле подкрался стражник и – цоп! – ухватил его за шубку.

Что же вы, ребятки, сразу не убежали? А теперь староста начнёт всё сызнова, и кто его знает, как оно обернётся.

ВОТ СЛАВНО! Как раз в эту самую минутку пришла грибы-грибочевская Лизанька. И с ней два её братика, и старшая сестричка Аполенка.

Откуда они взялись?

Ну откуда взялись? Да разве Лизанька не думала с самого утра о своих друзьях? Не успел Барбуха уйти, она стала приставать к матери, чтобы та позволила ей пойти в Горшки-Поварёшки искать медведя. Кузнечиха, понятно, сперва не соглашалась, но, увидев, что Лизанька повесила голову и чуть не плачет, в конце концов пустила.

– Знаете что, детки? – сказала она, после того как они положили ложки. – Сходите-ка в Горшки-Поварёшки за по-

купками. Нам нужно немножко сахару да немножко муки. Как купите, так можете поискать нашего ночлежника.

Дети вскочили и – одна нога здесь, другая за порогом. Только успели с маменькой проститься.

От Грибов-Грибочков до Горшков-Поварёшек дорога прекрасная. Как так? Почему же тогда Куба Кубикула шёл всё чащами да глухоманью: выходит, местности не знал?

Знал, и дорогу тоже отлично знал, да Кубуле угодно ходить только лесом.

Когда дети подошли к пруду, счастье как раз изменило медведю: ретивый стражник схватил его за плечо. Лиза испугалась, разжала кулачок с четвертаком и монетка покатилась в снег. Потом по этому месту прошли люди и затоптали её. Лиза этого даже не заметила. Она спустилась на лёд и, спотыкаясь, побежала, крича Кубуле и его товарищам:

– Медведь, косматенький мой, это я! Мы пришли вас освободить! Со мной Аполена и наши мальчики, у них под тулупчиками сабли!..

УСЛЫШАВ О САБЛЯХ, стражник оробел. Но ничего не поделаешь! Коли ты стражник, исполняй приказ, хоть бы пришлось головы лишиться.

Лиза смерила его взглядом да как накинется на него:

– Ну с какой стати, дядечка, вы не хотите пустить медведика на волю? Отступитесь! Наши мальчики учаться вместе с вашими в школе, а я сижу с вашей Бетой на одной парте.

Тут прикатил Тоник, а за ним чуть не вся школа.

– Если бы вы видели, – продолжала Лиза, – как Кубула умеет жучка представлять! Ах, как прекрасно! Я покажу вам. Хотите?

И она вздумала было крутиться, вертеться на льду, делать всякие ужимки, изображая то, что за минуту перед тем

делал медведь. Ну, обхохочешься! Да ничего этого Лиза не умела как следует. Только повернулась толстушка – тут же шлёпнулась. Только встала – бац! Опять повалилась. Даже стражник слегка улыбнулся, право. Долго он сдерживался, но в конце концов и его прорвало: захохотал так, что кровь в лицо бросилась.

Тут кузнецовы ребята скорей деревянные сабли наголо и недолго думая давай колоть его в брюхо. Кололи, кололи, кололи! К счастью, дяденька-то этот был щекотливый, и ничто не приводило его в такой восторг и не доставляло ему такого удовольствия, как лёгкое похлопыванье и поталкиванье между рёбер. Он прямо плакал навзрыд от хохота, так что слёзы текли из глаз, и кричал:

– Будет, будет, будет!

У него был такой громкий голос, что доходил до пограничных гор.

Вскоре старосте показалось странным, отчего это стражник покатывается со смеху и так горланит.

Оставив сражающихся, он пошёл посмотреть, в чём дело. За старостой побежал и оратор Бурдабурдера; за ними посыпали их приверженцы и поклонники их умных голов. Они стали сбегать на лёд, и через минуту в старостином войске не осталось живой души, а в войске мудрого Бурдардеры – ни ноги.

Можно сказать, войну довоевали, а не довоевали, так перервали и забыли. Граждане, видно, подумали, что, конечно, неплохо поразмяться в весёлой потасовке, но глупо не остановиться вовремя. Они славно разогрелись, от головы у них шёл пар, так, скажите на милость, с какой стати продолжать перестрелку снежками? Ну, и перестали, и правильно сделали, потому что их ждало в высшей степени приятное и весёлое зрелище.

ЛИЗА И КУБУЛА, кузнецовы мальчики с Кубой Кубикулой и Барбухой в обществе подружившейся с ними маленькой собачки, проделывали на льду такие ловкие штуки, что у зрителей дух захватывало от удовольствия. Началось с обычных салок, но прежде чем все переводили по очереди, Лизанька начала всякие выдумки будто из рукава вытряхивать, балясы точить. Остальные делали то, что она говорила, и получался настоящий театр, где ни на грош смысла, зато полнó смеха.

Похоже, что кто-то дал стражнику на чай. Или, может, это сказочная русалка заставила его изменить свой взгляд и с этой минуты хорошо относиться к детям и медведям? Как по-вашему?

Так или иначе, кто видел, до чего он переменился и стал сам на себя не похож, те подумали, что просто он всю прелесть малышей – человеческих и звериных – понял.

Мальчики колют его под ребро и в заднюю часть, а он хохочет! В другое время им так досталось бы, не дай бог! А теперь видите, тут и староста присутствует, и вся деревня на него глазеет, а стражник, голубчик, пальцем не пошевелит, сам даже всякие шутки отпускает.

Видно, Лизанька выбрала старую-престарую пьесу. Будто медведь Кубула – заколдованная принцесса, стражник – то злой волшебник, то дракон, потому что, ей-богу, дети не так бедны духовно, чтоб не знать, что мелкие несообразности не имеют значения, когда хочешь играть.

Для Барбухи не нашлось подходящей роли, и ему пришлось изображать беднягу нищего в тех случаях, когда по ходу действия привидения не было нужно. Кузнецовы мальчики играли рыцарей, и эта роль очень подходила им, потому что у них были сабли и потому что они растратили лишь малую толику своего азарта.

Лизанька подсказывала всем, кому что говорить. Ах,

у этой девочки славно язычок был подвешен! Зато медведь и мальчики оказались из рук вон плохими актёрами. Еле языком ворочают!

Но чем больше в представлении было недостатков, чем мальчики были медвежеватей, а Кубула – мальчиковатей, тем больше оно нравилось зрителям. Ржали без умолку! Поварёшковские папаши клали головы на плечи горшковским. Те и другие перемешались, как горох в корзинке у Золушки, – жмут друг другу руки, сидят в обнимку, друг друга подталкивают, замечаниями перебрасываются.

– Экая чушь старина! – говорит один.

– Твоя правда, – отвечает второй, вытирая заиндевевшие усы и бороду. – Твоя правда, да получается-то у них больно здорово.

– Честное слово, не видал такого: посмотрите, как Лизанька красиво ротик раскрывает. А косички, а эти пальчики красные! . . .

В таких разговорах бежало время.

СТАЛО СМЕРКАТЬСЯ. Все, кто только был на пруду, хохотали. Один староста мялся и жался, ему было ещё не по себе, он не был доволен таким малым выкупом: взамен суда – щепотка веселья.

К нему подошли двое богатых и двое бедных крестьян, две старухи и две молодые девушки, два пахаря, и два лавочника, один трактирщик да ещё от духовенства пономарь, и повели эти люди к нему речь, полную простодушной мудрости.

– Милый староста, – сказали они, – видим мы, что ты хмуришься, смеяться не хочешь. Известно, страшно трудная это наука – старостой быть, тут без строгости не обойдёшься, но – господи боже – на этот раз обойди её стороной! Оставь права свои, оставь свою важность, стащи с себя всё это, и мы из этих бесценных свойств чучел наделаем, или сечки нарубим, или гусаков ими накормим. Мы над тобой, братец, смеялись, а ты, добрак такой, и не замечал. Папаша, папаша, Горшки и Поварёшки всегда друг с другом столкуются. Ты к нам на удочку попался. Расхаживал по мосту нам на потеху. Ох, мы в Горшках ведь только прикидывались, будто жалеем, когда ты от нашего берега удалялся, а когда отходил от Поварёшек, там повторяли то, что перед тем делали мы. Славные были полдни, у нас до сих пор от смеха живот болит. Но не обижайся, папаша. Мы теперь заживём как надо, опять хорошо будет! Этот окаянный мост вниз скинули ребята, а ты возьми да кинь свою старостову шапку туда же, на лёд. Дай медвежатнику на чай, а Кубуле – кролика. Честное слово, они парни хоть куда и не сделали ничего плохого.

Услышав это, староста вспыхнул как маков цвет, и стало ему так стыдно, что он не знал куда глаза девать. Стоит весь красный, а тут к нему детишки его подошли, с маленькой Марьянкой на руках.

Марьянка в ручонках цепочку держала, а к цепочке был привязан Кубула, а с Кубулой за руку шагала Лизанька, а за Лизанькой шёл Барбуха, а за Барбухой – двадцать мальчишек и двадцать три девчонки, и столько же дедушек, и столько же бабушек. Марьянка тянулась ручками и к медведю и к отцу. Что было делать старосте? Он покобенился маленько, но в конце концов сказал:

– Ну, в пору посмеялись, в пору и образумились. Я – вместе с вами. Хо-хо-хо, хи-хи-хи, долго ж вы меня за нос во-

дили. Но теперь кончено. Я теперь за вами следить буду, жулики вы этакие!

В эту торжественную минуту появилась старостиха. За это его обещание и за то, что он всех простил, она крепко его поцеловала.

ЭТО БЫЛО ПРЕКРАСНО, вот именно как надо, но вдруг ни с того ни с сего Лизанька заплакала; и плачет, и плачет, убивается. Вроде как если б вдруг в полночь петух запел, либо, ежели вам больше нравится, как если б среди бела дня филин заухал. Бедняжка Лиза вспомнила, что пришла в Горшки-Поварёшки за покупками, и спохватилась насчёт денег. Увы, четвертак пропал. Кто стоял поближе к ней, брали девчушку за руку, утирали ей слёзки.

– Не плачь, миленькая, перестань. А то смотри – носик набок свернёшь!

Надавали ей кучу добрых советов. Один разумный человек, подумав, сказал:

– Какой толк во всех советах этих? Тебе ведь четвертак нужен? Вот он! Я его отдаю, потому что мне без него легче обойтись, чем тебе.

С этими словами он пустился бежать и чуть совсем не удрал. Да Кубула бросился вдогонку, нагнал его, вспрыгнул ему на спину и, опираясь на пуговицы над фалдами,

взобрался на шею. И, дорогие вы мои, сколько же тут было благодарности и облизывания. Кубула влеплял крестьянину поцелуй за поцелуем. Крестьянину это скоро надоело, и он стряхнул медведя на землю.

Ну, хоть и скинул, а хороший пример был дан, и вот уже Куба Кубикула вынимает чашку. Может, ещё кто раскошелится.

Не скупитесь, почтенные, тряхните мошной, бросьте какой-нибудь там четвертак либо двугривенный, а то все тридцать, а то – ну хоть пирожок, господи боже мой!

Ну, да народ подобрался сговорчивый. Который посолидней, каждый почешется и давай шарить – глядишь, и достал из мешочка медяк. Вот уж набралось их – да воздаст вам господь сторицею! – полна́ чашка, а староста ещё две серебряных подбросил. Денег пропасть, а Лиза всё плачет, хочет свой четвертак.

– Что ваше, – говорит, – то себе оставьте, а мне помогите то, что я потеряла, отыскать.

ГОСПОДИ ИИСУСЕ, за игрой, да за слезами, да всякими тары-барами – глядь, уж и вечер наступил!

Мамаши встревожились, папаши на часы смотрят! Скорей домой, скорей ужинать, а не то с метлой придут!

Вот уж тронулись, вот уж и Грибы-Грибочки, вот уж пруд.

Нашему повествованию только о кузнеце с кузнечихой заботиться надо. Давай его сюда! Где он там?

Стоит на плотине, постёгивая себе прутиком по голенищам. Увидал Кубу Кубикулу, медведя и плачущую Лизу, расспрашивает, что да как, подходит к ним.

– Милые соседи, – говорит он, обращаясь к дядям и тётям, – возьмите-ка вы свои денежки назад. Мы не такие гордые, чтоб не принять на рождество либо на свои именины подарочек какой. Но зачем детям деньги давать? Этого не нужно.

– Ладно, ладно, – ответил староста. – Мы не давали Лизе ни гроша. Чашка Кубулова!

Кузнец поклонился – дескать, всё в порядке – и хотел Лизу домой увести. Да маленькая задержка вышла. Заметил Кубула и кинулся девочке на шею. Вихрем налетел и опрокинул чашку с деньгами. Старосте, стражнику и кузнецовым мальчикам похлопотать пришлось, прежде чем они их собрали. Стражник ворчал, но никто не обращал внимания. Все смотрели на детей, на медведя и на страшилище, и было им немножко жалко, что вся эта история так грустно кончается. После одной разлуки – новая! Вот что их печалило.

Кубула плакал навзрыд, Барбуха пищал, Лиза обнимала медведя, Марьянка чуть не задушила страшилище, – объятия были одно горячей другого.

Трогательные сцены многим не так по душе, как веселье да смех, и соседи стали расходиться. Иные говорили, что

целоваться со зверями вредно для здоровья и это, мол, уже слишком. Может, они и правы, но детям было бы куда приятней, если бы Куба Кубикула вернулся с медведем в Грибы-Грибочки.

И вышло по-ихнему! Сам староста завёл речь об этом.

– Послушай, – сказал он кузнецу, – зачем ты их разлучаешь? Что тебе от этого? Из медведя – придёт время – порядочный человек получится. Он говорит как по-писаному, и в лапках у него такая чувствительность, что через час какой-нибудь сможет у портного нитку в иголку вдевать. Отдай его в школу! Пусть делу обучается!

– А куда Кубу денем? – спросил мастер.

– Кубе, – ответил староста, – самая пора теперь овладеть каким-нибудь полезным ремеслом, а то он так и прокиснет в бродяжничестве, живя на случайные подачки, и помрёт с цепью в руке, как его отец.

Все старосты по самой природе своей точат зуб на бродяг. Вы уж простите жителю Горшков-Поварёшек, что он так дурно отозвался о занятии, которое детям гораздо милей, чем занятия торгового агента или чиновника. Простите и послушайте, что он ещё сказал:

– Купим ему пару сапог хороших, а из одёжи он может донашивать кое-что после твоих ребят, а кое-что после нашего Го́нзы. Госпо́ди боже, какие-нибудь там заплатки – беда небольшая. Ну, разве я неправ?

– Правы, правы, – ответил кузнец. – А только на Кубу Кубикулу такие штаны не налезут. Ему, сударь мой, восемнадцать лет.

– Э, – возразил староста, – кто говорит о Кубе? Разве я через каждые два слова не повторяю «Кубула»?

Экая история! У этих двух малых такие похожие имена, что сам чёрт одно от другого не отличит! Но в конце концов почтенные папаши друг друга поняли. Куба Кубикула будет учиться кузнечному ремеслу, а Кубула – ходить в школу. Вот и всё.

А ТЕПЕРЬ, ДЕТИ, ДОМОЙ!

Мастер взял медведя и дочку свою за руку и хотел идти. Но шагу сделать не успел, как Барбуха – в слёзы, и медведь с медвежатником объявили, что без него не пойдут.

– Мастер и староста, – промолвило медвежье страшилище, – я появился на свет на скорую руку. Приятели мои сделали меня кое-как – тяп-ляп – из страха и воображения. Это не жизнь. Поглядите на эти ноги, на мою дымовую шёрстку! Ну, могу я так ходить? Прошу вас, пошлите меня в какую нивудь больницу либо в школу для страшилищ: пускай я тоже чем-нибудь приличным стану.

– Смотрите пожалуйста! – воскликнул Куба Кубикула. –

Ах ты свинтус неблагодарный! Мы тебя выдумали, а ты с нами не хочешь дела иметь?

– Я не хочу с устрашением дела иметь. Кто нынче пошлёт сына обучаться такому ремеслу? Что это за занятие? Сто лет пройдёт, а дети всё будут надо мной смеяться.

Барбуха так долго просил, чтоб его переиначили, что пришлось позвать Бурдабурдеру, о котором шёл слух, будто он колдовать немножко умеет. Бурдабурдера сказал, что постарается. Староста дал ему за это серебряную монету. Потом все с Барбухой простились и помогли увязать его в носовой платок. Марьянка ревела благим матом.

Что нам остаётся делать, когда печаль одолеет? Пустим в ход шумовой оркестр, и под эту музыку отляжет от сердца. Валяй, валяй, Марьянка!

НАШИ ДРУЗЬЯ ДОШЛИ до Грибов-Грибочков уже в сумерки, беседуя о предметах более приятных, чем сказки о страшилищах. Им было очень хорошо вместе.

Кубула поступил в школу и получил штаны, но сперва

его умыли, выкупали, выскребли щёткой, выпарили и вымыли с мылом, блох с него обобрали и вычесали его. Сущее мученье! Лизаньке пришлось завязать себе уши: Кубуловы рыданья заставляли её плакать в один голос с ним.

На другой день кузнечный ученик Куба Кубикула пришёл в Горшки-Поварёшки делать обмер для моста.

Жители решили поставить что-нибудь посолидней, не развалюху какую-нибудь, которую любой мальчишка своротит, а всем мостам мост, прочный, железный! Во какой!

Да, тут мастеру будет работка, тут ему, конечно, помощник понадобится.

Пришёл Куба на реку Уточку и сейчас же за работу. Стал мерять и, обмеривши, увидел, что сооружение будет в девяносто один локоть, семь стоп, три пальца и девять волосков длиной.

Он очень обрадовался, что так точно узнал, и начал твердить эти числа, чтоб не забыть. Но вдруг что-то зашуршало у его ноги и быстро-быстро забормотало:

– Бар, бар, бар!

Батюшки, никак Барбуха. Так и есть: Барбуха, ставший благодаря искусству говорунов и колдунов собачкой пуделем.

УЧЕНИК КУЗНЕЦА НЕ СРАЗУ его узнал, потому что Барбуха был первой собакой этой породы. До него никто беса лысого о пуделях не знал, и не удивительно, что Куба немножко испугался. Испугался и забыл, сколько намерил локтей, сколько волосков.

Но свидание было очень радостное. Барбуха сразу пустился рассказывать, выкладывать, что и как. Говорил он или тявкал? Ах, милые мои, если б вы знали, что это был за рассказ! Куба Кубикула понимал с пятого на десятое.

Только когда они вернулись вдвоём в Грибы-Грибочки и Лиза посадила Барбуху себе на колени, только тогда узнали они, что произошло со страшилищем. Да, узнали, как бы не так! Разве половину, да и того нет – частицу одну, так, самую малость. Никто Барбуху как следует не понимал, одни только дети малые – они, болтушки, сами мелют не поймёшь что.

Будто Бурдабурдера велел страшилищу дышать в мешочек из-под муки и, когда мешочек раздулся от страшилищева дыхания, как воздушный шарик, Бурдабурдера сжёг его на огне. Потом будто бы воткнул Барбухе в середину лба собачью шерстинку.

Иные Фомы неверные утверждают, что это – дело очень трудное, и даже невозможное. Но Лиза верила. Почему бы нет?

Возьмите в одну руку звериный волосок, а в другую – булавку за самоё острие. Теперь найдите точно середину лба. Если вы всё это проделаете аккуратно, то нет ничего легче, как, поколачивая булавочной головкой по верхнему концу волоска, вбить его в лоб. Таким способом вы легко превратите кошку в собачку или кобылку в ослика. Для этого нужно только иметь под рукой волосок того зверька, в которого вы хотите превратить другого, и делать так, как делал Бурдабурдера.

Но Барбуха и в новом обличье сохранил прежние свои привычки. Бегал за Лизой, за Кубой, за Марьянкой, за Кубулой. Бедняга никогда не знал покоя. То в Грибы-Грибочки помчится, то в Горшки-Поварёшки. Чуть вовсе ног не лишился. Лучшие сидел бы на месте! Оттого-то все пудели, чьё племя и порода от него пошли, – бродяги.

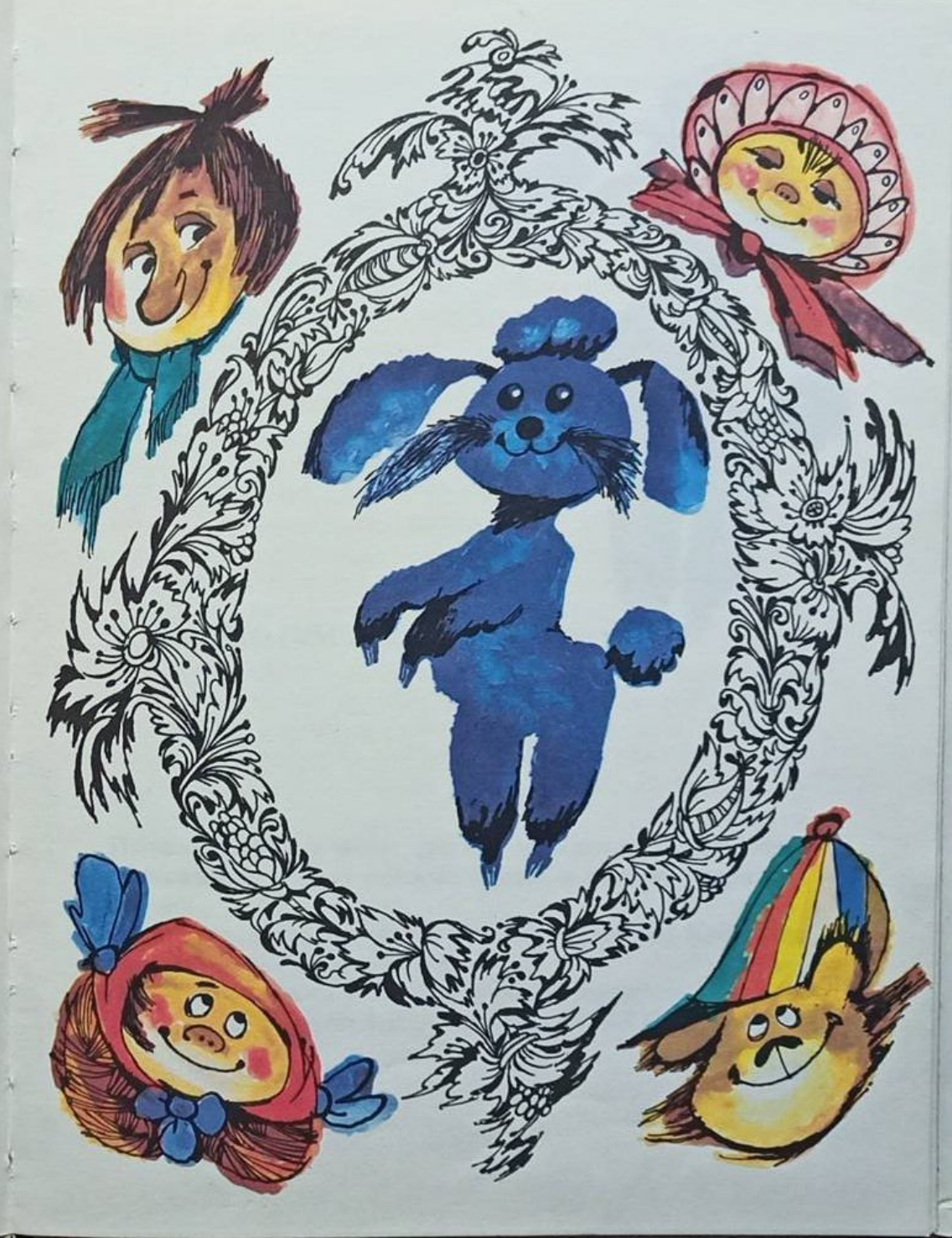
Вот и конец сказки о выдуманном страшилище.

– Нет-нет-нет, ещё не совсем!

А как Кубула учился?

Да неважно – у него тройка по чистописанию.

А чем кончилась история с Мишей, потерявшим свою шёрстку? Ах, это страшный вздор, бросьте, кто этому поверит?



О ТОМ, КТО ПРИДУМАЛ ЭТУ СКАЗКУ

Пушкин сказал о своём друге – великом польском поэте Мицкиевиче, что он «одарён свыше и свысока взирал на жизнь».

Тот, кто придумал сказку про Кубулу и Кубу Кубикулу, тоже «свысока взирал на жизнь».

Вот что написал он об одном своём герое:

«. . . он осмотрелся вокруг и увидел милый Петршинский

холм и ниже, между холмом и рекой, костёлик Святого Иоанна на Броде, и ещё дальше группу строений вышеградских. Они показались ему прекрасными. Он угадывал мысли, или порывы, или чувства, выгнувшие сводом их потолки, угадывал горе и радость тех, кто преклонял колени перед их алтарями, познавал, что эти люди, и мысли, и дела, как дети единого духа, и показалось ему, что пражский Град с каменными валами своими «и все эти строения» стоят здесь испокон веков в ласковом созвучии времён, плывущем как песнь».

Чтобы написать это о выдуманном человеке, надо самому видеть так – видеть жизнь мгновенно вдаль и вширь, всю как на ладони.

Такое зрелище доставляет человеку несказанную радость. Ту радость, которая и у нашего Маяковского, тоже взиравшего на жизнь «свысока», вырвала возглас: «И жизнь хороша, и жить хорошо!»

Потому что ведь зрелище – это не только панорама строений, но и то, о чём говорится дальше: мысли, порывы, и чувства, «выгнувшие сводом их потолки», и «горе и радость» входивших туда, и толпы рабочих, чинящих снесённый половодьем мост, и дети, разговаривающие через поток, и конница, скачущая по новому мосту . . . и – самое главное – красота труда, которая «великолепней самого достиженья». С этой верно найденной точки зрения самые здания кажутся стоящими «испокон веков в ласковом созвучии времён, плывущем как песнь», а люди – «пальцами какой-то невидимой руки».

Радость льётся через край. И хочется не только смотреть на жизнь, но и сказать о ней что-то прекрасное, доброе, правдивое: сочинить повесть, сложить песню, придумать сказку. Недаром смотревший «вдруг наткнулся на

стих . . .»: «помимо сказанного, он думал о событиях прошлого и складывал повесть».

И не только хочется сказать, а необходимо. Человек, сочинивший сказку о Кубуле, хорошо знал: мало – жить и действовать, как эти рабочие, мало – видеть жизнь, как тот, кто увидел описанную выше картину. Надо ещё уметь повторить её – в слове, в краске, в танце. Уметь воспроизвести самое существенное её содержание. Только тогда можно сказать: да, я это видел и пережил, я этим владею. Эта радость, даваемая искусством и составляющая весь его смысл, одна из самых глубоких радостей жизни.

В одной повести нашего автора рассказано: заболел фокусник-канатоходец. А на площади уже собралась толпа зрителей. Подруга фокусника ни ходить по канату, ни делать фокусы не умеет. Но представление она всё-таки даёт, и притом – блестящее.

«В странном освещении, образующем пещеру в ночных потёмках, Анна принялась расхаживать взад и вперёд, подражая походке канатоходца. И, несмотря на то, что ходила она по скверному ковру, когда меж тем Арноштеков канат качался в девяти саженях над ней, походка эта таила в себе великое и совершенное искусство . . . Вдоволь нашагавшись, Анна стала плавными движениями намечать удалые, сумасшедшие, отчаянные Арноштековы номера. При этом она ещё больше похорошела. Она била в барабанчик, всё время кланялась, улыбалась, стреляла глазами, морочила всех присутствующих, водила их за нос, и всё шло как по маслу. В конце концов зрители накидали ей в Арноштекову шляпу великое множество монет. Было среди них порядочно медяков, но спасибо и на том: как-никак малые рыбёшки – тоже рыбы».

Уличная плясунья намечает жестами суть тех движений, которые канатоходец проделывал на самом деле. Она за-

ставляет зрителей по этой скупо намеченной жестами сути, по этому подобию дорисовать в воображении полноту того, что было в действительности. Это – искусство в «лёгком» виде, искусство-игра. Но и в таком искусстве таится великий смысл: свободное воспроизведение правды жизни.

Автор нашей сказки устами всё того же зоркого героя и открыто покызывает нам великий жизненный смысл искусства, выступающий в форме игры. Вот какая у этого героя произошла однажды беседа с женой. Она бранит мужа за то, что он просиживает целые дни над перепиской старинных повестей и рассказов, где идёт речь о «всяких чепуховинах, которые либо уже были, и с ними покончено, либо их вовсе не было и тогда это попросту бесстыдная ложь». Но любитель «изящных повествований» возражает, что жизненную мудрость можно почерпнуть также в притчах и сказках, где сообщается о бесчисленном количестве происшествий, «совершившихся только на словах и в мысли». «Значит, есть две правды, – заключает он. – Одна, на которую можно положить руку, как на очаг, а другая, которую не схватишь за крылышко. Эта правда напоминает мне тень летящей птички». Конечно, о двух правдах он говорит в шутку, поддразнивая свою собеседницу, которая утверждает, будто искусство – просто-напросто ложь. Мы знаем: правда одна. Но искусство – не ложь, не выдумка, а также правда жизни, только воспроизведённая в подобии, под видом красочной, яркой игры, позволяющей увидеть то, мимо чего пройдёт сухое, «деловое» изложение.

Так художник проникает в глубь правды жизни, чтоб показать её всем. Он делает это «шутя и мучаясь», подобно рабочим, которые «таскали тяжёлые брёвна, играючи валили стволы».

Так глубоко понимает правду жизни и правду искусства автор нашей сказки.

А вот как мыслит он о родном языке – орудии мысли народа и орудии своего искусства. Одно из действующих лиц той повести, о которой мы говорили, превозносит латынь, когда-то считавшуюся единственным культурным языком. Уже знакомый нам герой (а его устами – автор) возражает:

«Клянусь стихом Ювеналовым, о котором ты упомянул, сам-то ты как говоришь? Это не латынь. Слышал ты когда-нибудь такие звуки хоть в одном стихе Энеиды? Уверен, что нет. Это речь пастухов, и крестьян, и всякой челяди . . . Это язык земли, по которой мы ходим, и людей, у которых хлопот по горло. Вижу, как они открывают полные коров и волов загоны, вижу, как они налегают на рукояти плуга, как грешат и каются, как, открыв рот и распевая, топочут. Вижу всех их вместе и могу сказать, что зрелище это мне по нраву! А теперь, когда я их тебе показал, таких вспотевших, и буйных, и лоснящихся, давай сравним их с теми, другими, давно мёртвыми . . .»

Мы видим: жизнь, искусство и мысль – всё взвесил и оценил автор, прежде чем сложить свою сказку.

Но кто же он, этот художник-мыслитель?

Замечательный чешский писатель и революционер Владислав Ванчура – наш современник. Он родился в 1891 году и прожил на свете только пятьдесят два года. В 1942 году его расстреляли гитлеровцы как коммуниста: он был не только писатель, но и борец, утверждавший красоту жизни, величие правды и добра словом и делом.

За свою сравнительно недолгую творческую жизнь (с 1923 года, когда вышел первый сборник его новелл, по 1941 год включительно) им создано девять романов, четыре сборника повестей и рассказов, пять пьес, где великие события, пережитые за это время его родиной и всем миром, слагаются в грандиозную картину жизни страны – от седой старины («Картины из жизни чешского народа») до

Октябрьской революции в России (романы «Конец старых времён», «Три реки»).

В целом это зорко схваченная с высокого пункта эпопея, где главное действующее лицо – скромный по своему общественному положению, но страстно любящий жизнь и правдиво мыслящий о ней человек, даровитый чудак с чистым сердцем и неугасимой верой в добро.

Перед читателем проходит вся жизнь страны и весь внутренний мир этого человека, увиденные вширь и вглубь, поданные как на ладони, в их прошлом и настоящем.

Эпопея проникнута не только верой в добро, но знанием того, что добро – единственная подлинная реальность, а зло – миф, призрак. Эта глубокая философская мысль проходит через всё творчество Ванчуры – художника слова (как и через всю жизнь Ванчуры-борца).

Конечно, в этом презрении к злу нет ни грамма прекраснодушия. Нет, Ванчура подлинно знал о ничтожестве зла, создавая свою эпопею. Знал, умирая в застенке гестапо.

Без этого знания он не создал бы того, что создал. Не создал бы и вот этой маленькой сказки. Она – кость от кости великой эпопеи его жизни. В ней, как в малой росинке, отразились вся жизненная мудрость и всё словесное мастерство замечательного чешского художника-мыслителя.

Только «свысока» взирая на жизнь, можно было увидеть и включить в короткое повествование всю эту полноту, всё кипучее богатство характеров, фигур, положений.

Только страстно любя свой родной язык, можно было создать повествование, играющее таким искрометным богатством словесных и речевых красок и оттенков.

Только глубоко любя искусство и до дна постигая его великий жизненный смысл, можно было обозначить большую философскую мысль – о ничтожестве зла – образом-шуткой в виде медвежьего привидения, расплывающегося

по мере оскудевания веры в него и разрастающегося в глазах трусов.

Да, но как же всё-таки?

В сказке зло истаивает и становится маленькой собачкой пуделем.

А в жизни могучее чёрное зло пожрало умного, доброго сказочника. Где же правда?

Или их две? Одна, на которую можно руку положить, как на очаг и другая, которую не схватишь за крылышко, которая как тень летящей птички?

Нет, правда одна. Правда – жизнь. Но иной раз она говорит голосом летящей маленькой птички, голосом сказки.

Зло пожрало сказочника. Но разве оно победило? Нет, на этот раз всё-таки права маленькая птичка: уже начало побеждать добро. И мы, вместе с Ванчурой, знаем: победит, победит непременно!

Д. ГОРБОВ

2 р. 50 коп.